

Е.В.Петров

**ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
В «РЫЦАРСКИЙ ПЕРИОД» (X—XIII ВВ.)**

Учебное пособие



Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2008

ББК 63.3(4)4я73
П 30

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Рецензенты:

зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков
Тюменского государственного университета,
профессор, д-р ист. наук *А.Г.Еманов*;
зав. кафедрой всеобщей истории
Омского государственного университета,
профессор, канд. ист. наук *Г.Э.Садретдинов*

Петров Е.В.

П 30 История, культура, повседневная жизнь населения Западной Европы в «рыцарский период» (X—XIII вв.): Учебное пособие. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2008. — 103 с.

ISBN 5–89988–459–2

Данное пособие посвящено исследованию повседневной жизни Западной Европы в период X—XIII вв. Характер труда и досуга, обычаи, привычки, мир вещей, окружающих человека, раскрывается достаточно ярко. Историческая реконструкция повседневности того времени представлена в ключе социально-культурной антропологии, что позволяет поставить в центр внимания самого человека с его предметно-материальной и духовной деятельностью, образом жизни, мировоззрением.

Пособие адресовано преподавателям и студентам гуманитарных вузов, а также всем, интересующимся историей культуры.

ББК 63.3(4)4я73

ISBN 5–89988–459–2

© Петров Е.В., 2008
© Издательство НГГУ, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ	5
Раннее Средневековье	5
Развитое (Высокое) Средневековье.....	7
Глава 2. РЫЦАРСТВО: ВОЙНА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ	12
Феодальная иерархия.....	12
Война.....	15
Ценности рыцарства.....	19
Глава 3. СЕНЬОРИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ. КРЕСТЬЯНЕ И ГОРОЖАНЕ	23
Сеньориальные порядки	23
Крестьяне.....	26
Горожане.....	29
Глава 4. ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ. КУЛЬТ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ	33
Женщина и семья	33
Культ Прекрасной Дамы	38
Глава 5. ХРИСТИАНСКИЙ МИР	42
Церковь	42
Вера	44
Ученость.....	47
Глава 6. ЧЕЛОВЕК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: БЫТИЕ И МЕНТАЛЬНОСТЬ	52
Триада смерти	52
Традиционализм.....	56
Ментальность.....	58
Жестуальность.....	60

Глава 7. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОСМОСЫ	62
Пространство	62
Время.....	65
«Возрасты жизни»	70
Глава 8. МАТЕРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ	74
Глава 9. ГОРОД И ЖИЛИЩЕ	82
Город	82
Жилище	83
Интерьер.....	85
Мебель	88
Глава 10. ПИТАНИЕ. КОСТЮМ	92
Питание.....	92
Костюм.....	96
Готический стиль в одежде.....	98
Франко-бургундский стиль в одежде	100
Рекомендуемая литература	103

Глава 1

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ РАМКИ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Своеобразный рубикон, отделяющий античность от Средневековья — крушение Римской империи. Согласно традициям отечественной историографии, хронологические рамки западноевропейского Средневековья охватывают более 11 столетий: Раннее (V—X вв.), Развитое (Высокое) (XI—XV вв.), Позднее (XVI — первая половина XVII в.). В зарубежной историографии наступление Нового времени датируется, как правило, серединой либо концом XV — началом XVI вв. В эти временные периоды произошли события, эпохальные по своему значению: открытие Америки, захват турками Константинополя и крушение Византии, начало Реформации. Существует также иная периодизация в истории культуры и искусства: период Средневековья завершается на рубеже XIV—XV вв. с началом эпохи Возрождения.

Раннее Средневековье

Период V—VII вв. называется эпохой Великого переселения народов, среди которых доминировали германские, тюркские, славянские и угро-финские племена. У свободных германцев власть принадлежала народному собранию, совету старейшин и военному вождю племени — конунгу (у славян — князю). Особую роль в жизни племени играли воинские образования — дружины.

С середины IV в. среди варваров начинается распространение христианства. За исключением франков, сразу же принявших христианство в его католической форме, большинство германских племен познакомилось с ним через арианство. После падения Римской империи на ее территории было создано несколько варварских королевств. Италию и ряд соседних областей в конце V в. завоевали остготы Теодориха Великого. Эти политические образования оказались нежизнеспособными, кроме Франкского государства.

Средневековой общественной системой был феодализм, одна из важнейших характеристик которого — монополия господствующего класса на землю. Свое название феодализм получил от *феода* — формы условного земельного владения. Феодал аналогичен *лену*, *фьефу* или *бенефицию* и противостоит *аллоду* как «чистой» земельной собственности, не обремененной никакими условиями.

Процесс становления нового общества, рождение феодальной Европы составляют содержание раннесредневекового этапа. Цивилизация средневекового Запада — итог встречи и слияния двух миров, «итог конвергенции римских и варварских структур, находившихся в состоянии преобразования», как писал известный французский историк Ж. Ле Гофф.

Франкское государство Меровингов, возникшее в конце V в. в Северной Галлии, представляет собой так называемую северо-французскую модель феодализма, условно принятую историками за эталон. В первые десятилетия V в. существование королевства было под угрозой: захватив Пиренейский полуостров, арабы вторглись в Галлию. Их экспансию в 732 г. в решающем сражении при Пуатье остановил Карл Мартелл («Молот»). При его внуке Карле Великом (768—814) Каролингское государство переживало подлинный расцвет, так называемое Каролингское возрождение. Карл продолжал активную политику своих предшественников: проводил реформы, предпринимал походы, жестокими мерами осуществляя «умиротворение» завоеванных территорий и их последующую христианизацию. Превратив свое государство в империю, Карл венчался на царство в 800 г. в соборе Св. Петра императорской короной. Каролингская империя в последний раз объединила Западную Европу.

Огромная империя не представляла собой органичного целого, а потомки Карла Великого, считая королевство семейным достоянием, начали перекраивать его по своему усмотрению. Людовик Благочестивый разделил его между тремя сыновьями, положив тем самым начало формированию трех европейских государств: Франции, Германии и Италии и соответственно трех будущих народностей.

В X в. династия Каролингов прекратила существование. Во Франции местная знать возвела на трон наиболее могущественного

сеньора — Гуго Капета, графа Парижского. Однако в X—XII вв. королевская власть существовала только номинально, так как наступил период феодальной раздробленности. В Германии магнаты передали власть выборному королю. Отгон I сепаратистским тенденциям знати противопоставил институт церкви, сделав его опорой королевской власти (имперская церковь). После завоевательных походов в Италию Отгон был коронован папой. Создилось аморфное, искусственное образование «Священная Римская империя», просуществовавшее несколько столетий.

XI столетие — период ожесточенной борьбы между папой и германскими императорами за политическое верховенство, известное как борьба за *инвеституру*, т.е. за право назначать на высшие церковные должности. Папство нашло опору в клюнийском движении, названном по имени монастыря в Клюни (Бургундия). Понтификат Григория VII (Гильдебранд), укрепив позиции церкви, положил начало жесткой церковной иерархии и последующему возвышению папства.

Последним отголоском Великого переселения народов было нашествие мадьяр в X в. и военная экспансия скандинавов в X—XI вв. («эпоха викингов»), грабивших, опустошавших побережье и разрушавших города.

Развитое (Высокое) Средневековье

Начиная с XI в. в Западной Европе происходит бурный рост городов. Они становятся центрами ремесел и торговли, представляют собой средоточие административной, военной и церковной власти. Средневековые города были невелики: большими считались те, чье население насчитывало несколько десятков тысяч жителей. В X—XIII вв. развернулась борьба городов против феодальных сеньоров за политическую независимость и самоуправление — коммунальное движение.

На протяжении двух столетий (1096—1270) продолжались религиозные войны западноевропейских феодалов в Палестине, получившие название крестовых походов. Их вдохновителем и идеологом выступила церковь (папа Урбан II), призвав начать вооруженную борьбу с неверными за «освобождение Гроба

Господня». В первом походе крестоносцы овладели рядом территорий вдоль побережья Средиземного моря и захватили Иерусалим (1099). На завоеванных землях образовались новые государства, где установились феодальные порядки. Последующие походы не имели успеха (в четвертом, в 1204 г., был штурмом взят Константинополь, разграблен и подожжен). В XII в. крестоносцы постепенно утрачивают завоеванные территории, которые переходят к мусульманам, в конце XIII в. пала последняя твердыня — крепость Акра.

В ходе крестовых походов создаются особые организации — духовно-рыцарские ордены: тамплиеров (рыцарей храма), иоаннитов (госпитальеров) и Тевтонский орден (немецких рыцарей). Жестко централизованные структуры профессиональных воинов становятся мощной силой сначала на Востоке, а затем и в Европе, где они обосновались после потери заморских владений.

Во Франции с XI в. начался процесс централизации, чему препятствовали, помимо всего прочего, континентальные владения английской короны. Больших успехов в борьбе с англичанами добился Филипп II Август, который объявил владения английского короля Иоанна II Безземельного во Франции конфискованными. Альбигойская ересь вальденсов и катаров, процветавшая на юге (г. Альби), дала повод королю и католической церкви для начала крестовых походов, известных как Альбигойские войны (1209—1229). Начали изменяться формы государственного устройства. Особенно преуспел в укреплении власти Людовик IX (1226—1270), получивший почетное имя Святого. К началу XIV столетия, в период правления Филиппа IV (1285—1314) складывается сословная монархия, созываются Генеральные штаты, орган сословного представительства. Усиление королевской власти вызывает сопротивление папства, претендующего на супрематию духовной власти над светской. В ходе конфликта на папский престол избирают креатуру французского короля, и папская резиденция переносится из Рима в Авиньон. Это положило начало 70-летнему Авиньонскому пленению пап.

В начале XIV в. начинается Столетняя война Англии и Франции (1337—1453), поводом для которой послужили династические притязания английского короля Эдуарда III. В первый период войны ситуация сложилась трагически — англичане оккупировали

Францию. В 70-х гг. в войне наметился перелом, французы постепенно вытесняли англичан с оккупированной территории.

В 1066 г. произошло завоевание Англии норманнами под предводительством герцога Вильгельма. Англосаксы были разбиты у Гастингса, и герцог стал королем Англии под именем Вильгельма I Завоевателя. Восстания крестьян и англосаксонской знати были жестоко подавлены, земли конфискованы и превращены в королевский домен либо пожалованы норманнским завоевателям, которые составили костяк формирующегося слоя крупных феодалов — баронов. Нормандское завоевание заложило основы для сильной королевской власти, что облегчало процесс объединения страны.

В середине XII в. после феодальной междоусобицы престол занял Генрих II Плантагенет (1154—1189), положивший начало новой династии. Генриху, помимо Англии, принадлежали огромные владения на континенте — так называемая Анжуйская империя. В XIII в. вследствие недовольства знати обострилась политическая борьба, в ходе которой король Иоанн Безземельный подписал Великую хартию вольностей, ограничивающую королевскую власть. Установившаяся затем баронская олигархия завершается гражданской (баронской) войной. Ее результатом стало появление (впервые в 1265 г.) английского парламента, получившего право законодательной инициативы.

В Германии крупные города имели большие привилегии и пользовались фактически полной самостоятельностью (так называемые вольные города). Экономический подъем XII—XIII вв. не привел к созданию единого центра. Ориентация на транзитную торговлю, а также отсутствие прочного союза городов с королевской властью усиливали центробежные тенденции. С XII в. начался новый этап экспансии немецких феодалов на восток, в земли славян и народов Восточной Прибалтики. (Дальнейшее продвижение рыцарей было остановлено в 1242 г. на Чудском озере). Немецкая «колонизация» была направлена также в Придунайские земли, однако здесь она имела более мирный характер.

Отличительными чертами Германии этого периода являлись отсутствие верховной власти, феодальная раздробленность. Ослаблению германских императоров способствовала внешняя политика, подчиненная великодержавным интересам: яркий пример

— Фридрих I Барбаросса и его итальянские походы. Князья, стремясь не допустить усиления центральной власти, попеременно выбирали на престол представителей различных династий — Габсбургов, Люксембургов и др. В середине XIV в. политическая раздробленность получила законодательное оформление в Золотой булле.

В Италии выделялись три региона, среди которых Северная Италия и Тоскана — самые развитые области. В XII в. города добились самоуправления, становясь коммунами. Возникли города-государства средневекового типа, или городские республики: Флоренция, Милан, Пиза и др. Значительную часть Средней Италии занимала Папская область со столицей Римом. Она отставала от северного региона в экономическом и политическом развитии, в чем не последнюю роль играла реакционная политика папства. Южная Италия и Сицилия были захвачены норманнами и в XI в. объединены в Сицилийское королевство.

Во второй половине XII в. североитальянские города ведут борьбу за независимость с германским императором Фридрихом I. Ломбардская лига, получившая поддержку папы, одержала решительную победу над немецкими рыцарями. В этот период в Италии возникло два политических течения — гвельфы и гибеллины, соответственно противники и сторонники императора. Под знаком их соперничества и кровавой вражды проходит все XIII столетие. Политический строй городов-республик формировался в разных социальных условиях, поэтому формы правления были различны: республика (Флоренция), патрицианская олигархия (Венеция и Генуя), монархическая сеньория (Милан). К важным моментам итальянской истории следует отнести раннее развитие капиталистических отношений. Способствуя экономическому подъему, они стали одним из источников появления новой культуры Возрождения.

Пиренейский полуостров до конца XV в. оставался политически раздробленным; государства христианских королей соседствовали с мавританскими владениями. В 1230 г. произошло окончательное объединение Кастилии и Леона. Рядом с ними находились королевства Арагон и Португалия. В XI—XIV вв. продолжалась Реконкиста — борьба с маврами за возвращение захваченных ими территорий (ко второй половине XIII в. мавры удерживали

лишь регион вокруг Гранады). Особенно велико для Испании и Португалии значение католической церкви, так как Реконкиста находила свое идейное обоснование в священной войне христианства с исламом. Важную роль играла особая группа правящего класса — члены духовно-рыцарских орденов Алькантара, Калатрава и Сантьяго-де-Компостелла, образованных в XII в. Церковь также занималась обращением в христианство мусульман на завоеванных территориях. Насильно крещенные мавры (мориски) нередко оставались тайными приверженцами ислама.

Глава 2

РЫЦАРСТВО: ВОЙНА КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Около тысячного года появляется схема трехчастного деления христианского общества — на священников, воинов и крестьян. Теория трех сословий вскоре стала классической. Она отражала функциональную характеристику социума: религиозной, военной и экономической функциям соответствуют три категории средневекового общества — «молящиеся», «воюющие», «работающие».

Класс воинов образовывал особый институт рыцарства, отличающийся определенным образом жизни, системой ценностей и стереотипами поведения. Он служил социальному обособлению светских феодалов в привилегированное сословие — нобилей, т.е. благородных, и характеризовался несколькими отличительными чертами: рыцари должны иметь благородное происхождение, нести военную службу, обладать сеньоральными правами по отношению к зависимым лицам. Первое условие не являлось абсолютным, так как на практике существовала масса исключений из этого правила: например, звание могло быть пожаловано за военные заслуги, а также куплено. (В Англии XIII в. становится правом и обязанностью приобретение рыцарского звания для всех свободных, имеющих не менее 20 ф.ст. земельного дохода). Значительная часть немецкого рыцарства происходила из *министериалов* — слуг короля и крупных магнатов, набравшихся преимущественно из несвободных людей. Вопрос о передаче рыцарского звания по наследству был связан с замкнутостью правящего класса, степень которой не остается неизменной в пространственно-временном аспекте.

Феодальная иерархия

Каждый отдельно взятый человек входил в состав правящего класса через систему феодальной иерархии. «Феодализм — это прежде всего система личных связей, иерархически объединяющая членов высшего слоя общества», — писал французский историк Ж. Ле Гофф. Русский историк Л.Карсавин говорил в этой

связи о «лучеобразном строении феодального общества». Феодальная лестница строилась на личной зависимости одних феодалов от других, вассалов от сеньора. Отношения между ними устанавливались вассальным договором, который был выгоден обеим сторонам и не лишал вассала свободы и достоинства. Оформляла этот договор особая символическая церемония — *оммаж*: перед сеньором предстает его будущий вассал, безоружный, коленапреклоненный, с непокрытой головой. Он вкладывает сомкнутые руки в руки своего господина и, препоручая себя сеньору, произносит установленную формулу: «Сир, я становлюсь вашим человеком». Сеньор сжимает его руки, поднимает и целует. Вассал произносит клятву верности — *фуа* — на мощах святых, делаясь с этого момента «человеком сеньора» (отсюда само название ритуала). Иносказательно его именуют также «человеком уст и рук». Принося *оммаж*, вассалы становятся как бы детьми сеньора, входят в новую семью.

Вассальный договор имел реальную имущественную основу — *фьеф* (бенефиций, феодал, лен), который жаловался сюзереном в обмен на клятву верности и несение определенной службы. Первоначально *фьефы* предоставлялись в пожизненное владение, и каждый последующий наследник должен был получать его заново. Затем они стали наследственными, но новый владелец также приносил *оммаж* сеньору. Передача *фьефа* осуществлялась в форме *инвеституры*, т.е. юридического акта, где *фьеф* вручался вассалу символически в виде какого-либо предмета, отождествляемого со знаками власти (перчатки, жезла, кольца, меча или даже горсти земли). Наиболее распространенной его формой были земельные владения, хотя впоследствии появились денежные *фьефы*, представлявшие собой различные виды феодальных доходов.

Каждая сторона, участвующая в феодальном договоре, имела свои права и обязанности. Вассал был обязан своему сюзерену определенными службами, которые формулировались в средневековых терминах как «совет» и «помощь». Главную часть «помощи» составляла военная служба. Ее сроки и условия менялись, но в среднем продолжительность достигала 20—60 дней в году. Вассал являлся на службу со своими людьми и при полном вооружении. Задачи были различны: участие в военных экспедициях сеньора, охрана замка и т.п. Срок службы мог быть продлен по

обоюдному соглашению, но при этом производилась дополнительная оплата земель, либо предоставлялись другие доходы.

Помимо военной службы вассал должен был оказывать в определенных случаях и финансовую помощь. Как правило, он выплачивал выкуп, если сеньор попадал в плен, делал денежные взносы, если в семье сюзерена происходили важные события: свадьба дочери, посвящение в рыцари сына. Доходами от владений своих вассалов сеньор пользовался в случае смерти последних, взимая их за год. Вассал также был обязан участвовать в совете и суде сеньора (его *куруи*), т.е. в судебном и административном управлении.

Чрезвычайно важны моральные обязательства, связанные с клятвой верности: вассалу необходимо было блюсти честь и интересы своего сюзерена, охранять его жену и детей. Сеньор же в свою очередь должен был защищать его от притеснений более сильных и опекать семью вассала в случае его смерти.

Эти взаимные обязательства мыслились как нерушимые, но в действительности их часто не соблюдали, что вело к конфликтам. В распри вмешивались родственники, друзья. Если речь шла о мести, то род сплачивался. Положение осложнялось тем, что многие рыцари имели несколько сюзеренов. Скоро в конфликт втягивалось столько людей, что он превращался в междоусобицу, охватывавшую целые области. Король и церковь пытались регламентировать хаотические столкновения, определяя круг лиц и степень родства участников, сроки проведения боевых действий (перемирий). Как правило, эти попытки были малоэффективны, что свидетельствовало о слабости верховной власти.

Вассально-ленная система создавала феодальную иерархию, охватывавшую весь господствующий класс. Во главе стоял король, от которого держали земли территориальные князья и бароны (в разных странах они делились на различные ранги: герцоги, графы, виконты и др.). Последние являлись сюзеренами для владельцев замков — *шатлэнов* (*каштелянов*), а им, в свою очередь, приносили оммаж простые рыцари. Эти неимущие нобили зачастую владели лишь небольшим числом лично зависимых людей — так называемые «одноштитные рыцари». Стройная рыцарская пирамида в реальной жизни оборачивалась запутанной головоломкой: от короля могли получать фьефы как шатлэны, так и

простые рыцари, а сам король мог быть вассалом какого-либо аббатства (как это ни парадоксально). Относительно устойчивым в данной иерархии было только непосредственное звено «сеньор — вассал». Только с сюзереном рыцарь поддерживал связь, только ему повиновался. Верно также обратное: сеньор опирался только на собственных вассалов, принесших ему оммаж. Действовало правило: «Вассал моего вассала — не мой вассал». Так, король Франции не мог призвать вассалов своих герцогов и графов. Он был только первым из равных. Подобное положение дел приводило к междоусобицам, ослабляя центральную власть.

Война

Основным занятием рыцарей была война. Начиная с Раннего Средневековья, постепенно формируется монополия правящего класса на военную службу. К XI в. аристократия становится военным классом. Восстания крестьян и горожан, феодальные междоусобицы, иноземные нашествия, захватнические экспедиции в чужие страны и другие военные акции составляют сюжетную канву и декорацию этой эпохи. Феодальная война — универсальный способ решения спорных вопросов, восстановления попорченной чести, а также источник доходов, поскольку представляет собой неприкрытый грабёж. Власть теперь принадлежит не государству, как это было в античности, а сильнейшему. Самоуправство, своеволие господина — знамение времени. Он не признает над собой чужих законов, он сам себе право и закон, он — суверен. Важнейшие реалии средневекового мира и одновременно его символы — замки, доспехи, оружие. Земли поделены, повсюду возвышаются крепости и оборонительные сооружения. Все зашло, предчувствуя угрозу, готовясь к обороне. В этом воинственном и враждебном мире рыцари чувствуют себя в своей стихии. Они существуют в войне и для войны. Этих потомственных профессионалов военного дела отличает особый уклад жизни, от них требуются специальные качества, в первую очередь — сила, выносливость, профессиональное владение оружием.

У рыцарей тяжелое вооружение, они сражаются верхом. Вес полной боевой выкладки — 50—80 кг, куда входят оборонительные доспехи: броня или кольчуга, кольчужные чулки и рукавицы,

шлем. *Броня* — это рубаха из кожи (типа римской лорики), на которую нашивали ряды железных колец или пластин. *Кольчуга* сплеталась только из металлических колец, имела разрезы для удобства езды верхом, а также капюшон. В XII в. доспехи дополняются наколенниками, наплечниками и другими деталями. В XIV в. гибкость доспехов приносится в жертву прочности, и доспехи начинают делать из цельных металлических пластин. Латы, заменившие кольчугу, обеспечивали более надежную защиту от нового вида оружия — огнестрельного. К оборонительному вооружению относятся также щиты. На протяжении столетий они были велики и громоздки, так как недостаточная надежность доспехов не позволяла их уменьшить. Начиная с XIII в. преобладают небольшие треугольные щиты, покрытые геральдическими изображениями.

Важнейшим оружием рыцаря, имевшим сакральный смысл, являлся меч. Рыцарский меч очень красив, он символизировал социальный статус владельца. Это благородное оружие возлагали на алтарь, освящали и благословляли священники, оно использовалось в различных ритуалах. Над ними клялись и молились, им давали имена. Так, известны названия легендарных мечей: Роланда — «Дюрандаль», Карла Великого — «Джойоз», Турпина — «Альмас». Эфес меча имел форму креста, в рукояти помещались реликвии — например, кусочки мощей. Перед битвой воины, по обычаю, благоговейно прикладывались к ним. Средневековые мечи были очень длинные (около 1 м), массивные, с обоюдоострым клинком. В XIV в. начинают применять тяжелые заостренные двуручные мечи, более эффективные против сплошных доспехов. Ими с одинаковым успехом можно было колоть и рубить.

Второе оружие рыцаря — копье. Оно достигало 4,5 м в длину и имело цветное древко, яркий флажок (значок) и железный наконечник. Во время походов его несли вертикально, в бою приводили в горизонтальное положение, используя разные приемы для нанесения удара: держали на высоте загривка лошади, под мышкой, упирали в выемку наплечника. Усиленные движением лошади, ужасные удары копья были смертельны — от них не спасала и кольчуга.

Помимо главных видов оружия рыцари могли применять палицы, боевые бичи, кинжалы. Грозное оружие того времени —

датский боевой топор с острым наконечником (крюком), которым можно было колоть, рубить и стаскивать с коня (от него впоследствии произошла алебарда). Его использовали даже пехотинцы. Вообще, что касается оружия пешего войска из зависимых людей, то здесь не было никаких правил: они могли сражаться палицей, секирой, иметь пращи, лук и стрелы, арбалеты и т.д.

На боевого коня, как и на его хозяина, надевали специальные доспехи. Его покрывали длинным чепраком из материи или кожи с нашитыми металлическими бляхами, на голове — кожаный либо металлический наглавник, чтобы предохранить от стрел или ударов меча — он назывался «латный» конь.

Технический прогресс, о котором следует упоминать с оговорками, в первую очередь был направлен на совершенствование производства вооружений. Железа в Средние века было мало, оно дорого стоило, и потому его не хватало на плуги, но мечи производились исправно. Металл, использовавшийся в оружейном деле, был высшего качества: сталь мечей великолепно закалена, оружие украшалось чернью, позолотой, гравировкой. В XIII в. достигает расцвета искусствоковки кольчуг.

Стремление обезопасить себя, обеспечить максимально возможную защиту в бою вело к постепенному утяжелению доспехов и оружия. Эта тенденция продолжалась вплоть до XIV в. Рыцарь становится практически неуязвимым — побеждают большей частью пленением, раненых и погибших в битвах относительно немного. Однако все имеет свои пределы. Чрезмерный вес всадника изматывал коня, а его самого делал неповоротливым и даже беспомощным: если под ним убивали лошадь, то он не в силах был подняться с земли без посторонней помощи. Отрицательные стороны тяжелого вооружения проявились при столкновениях западных рыцарей с иным типом войск, например, в Палестине, при Ледовом побоище и в Европе XIV в., и стали очевидны уже к концу Средневековья. В эпоху же своего расцвета рыцарство безраздельно господствовало над мирным населением Европы. Небольшого числа воинов, закованных в броню, было достаточно, чтобы разогнать плохо вооруженные толпы крестьян.

Превосходное вооружение — не единственный фактор могущества рыцарства. Не менее важно то, что оно было единственным сословием, воспитанным и обученным для войны. От будущего

воина требовались хорошая подготовка и закалка, начинавшиеся с самого раннего возраста. «Кто до 12 лет остается в школе, не садясь верхом, годится только на то, чтобы стать священником» — гласит поговорка. С 7 лет мальчик начинал постигать военные премудрости. Сначала он служил пажом в замке сюзерена своего отца, а с 14 лет (иногда и раньше) становился *дамуазо* — слугой и оруженосцем своего господина. Он сопровождал его на войне, прислуживал за столом, чистил коня и оружие, одновременно осваивая азы рыцарской науки. Юноша заботился не только о своем сеньоре, но и обо всех его домашних и при этом учился принятым в обществе манерам и обхождению. Повзрослев, дамуазо проходил обряд посвящения в рыцари, что знаменовало его совершеннолетие. Символическая церемония посвящения основывалась на древних традициях инициации, в данном случае — германских племен.

В феодальном обществе посвящение в рыцари означало включение молодого человека в особую группу военной элиты. Церковь, верная своему призванию руководить жизнью общества, освящает, в общем-то, языческий обряд, давая ему свое благословение. Накануне юноша целый день постится и молится, ночь бодрствует в церкви, а на рассвете выстаивает мессу и получает причастие. Старейший рыцарь или священнослужитель, совершая обряд, вопрошает юношу о целях вступления в ряды рыцарей. Он принимает от юноши клятву защищать святую церковь, вдов и сирот, слабых против сильных. Текст этой клятвы содержит идею отрицания устоев феодального мира силы, хотя, конечно же, в ней гораздо больше условной патетики, чем жизненных реалий. Молодого человека опоясывают мечом, надевают шпоры.

Вручение оружия — кульминация церемонии. Его совершает самый могущественный рыцарь данного круга. Например, принцу Уэльскому меч вручал король, его отец. Роланда, по легенде, опоясывал мечом Карл Великий. Старейший сеньор в присутствии своих вассалов наносит дамуазо символический удар ладонью по затылку или щеке либо плоской стороной меча по плечу — единственный удар, который рыцарь может получить, не возвращая. Затем новичок демонстрирует свою ловкость и военную выучку. В столь воинственную эпоху посвящение становится главным событием в жизни молодого человека и его семьи.

Ценности рыцарства

В среде военной аристократии процветал культ силы. Рыцарь имел тренированное тело, был плотен и широкоплеч. Жизнь требовала от него постоянной активности (на войне, турнире, охоте), и он должен быть физически красив и привлекателен — таков идеал этого воинственного времени, прославлявшего телесную мощь.

Главными качествами рыцаря считались мужество и отвага. Самое тяжкое обвинение, какое могло быть ему предъявлено, — трусость, и потому рыцарь скорее демонстрировал свое бесстрашие вопреки здравому смыслу, чем соблюдал разумную осторожность. Зачастую безрассудная дерзость обрекала на поражение все предприятие. Так, легендарному Роланду было стыдно трубить в рог, прося о помощи, из-за чего его отряд погиб. Король Арагона Педро II из-за подобной же бравады отказался от выгодной позиции, чем погубил свое войско, и т.п.

Любовь к войне, привычка к насилию провоцировали жестокость. Безжалостность возводилась в ранг достоинства. Воины были опьянены кровавым вином сражений, привыкая к этому, как к сильнодействующему наркотику. Трубадур Бертран де Борн (XII в.), сподвижник Ричарда Львиное Сердце, воспел этот воинственный идеал:

*«Любо мне...
Ломать копья, протыкать щиты и разрубать вороненые шлемы,
Бить и получать удары.
...Ничто не доставляет мне такого удовольствия,
Ни еда, ни питье, ни сон,
Как возглас «Вперед!», раздающийся с двух сторон,
...И вид убитых с торчащими в боку
Обломками копий с флажками.
...Ах! Надо биться сотнями, тысячами,
Чтобы потом нас воспели в поэмах».*

Христианскому милосердию и состраданию нет места в этом мире пожаров и крови. «Сражаться и любить» — вот кредо рыцаря. Размышления и рефлексия не для него. Его натура была импульсивна, он действовал, не раздумывая. Рыцарский идеал совершенно не согласовался с христианским, как не согласовались

гордость и смирение, месть и прощение, ублажение плоти и аскеза. Это, однако, ничуть не мешало рыцарям считать себя хорошими христианами. Свои грехи они замаливали, облачаясь на склоне лет в монашеское одеяние, как сделал это тот же Бертран де Борн, став монахом-цистерцианцем. Святой Ансельм Кентерберийский в этой связи советовал всегда иметь с собой монашеский покров, чтобы, почувствовав близость смерти, успеть принять постриг в последние мгновения жизни. Таких людей именовали «монахами ради получения помощи».

На одном языке с христианством рыцарство говорило только тогда, когда речь шла о служении. Служение своему сеньору осмыслялось в понятиях, аналогичных служению Богу. В обоих случаях необходимо было сохранять верность, а за преданность ожидалось вознаграждение, будь то земной фьеф или небесный. И чем, как не наградой за верность Богу, можно назвать спасение души?

Непременным качеством рыцаря была щедрость. Богатство завоевывалось, чтобы его тратить. В этом состояло достоинство и честь сеньора. Окружающие ждали от своего господина именно этого, они жили его щедротами. Богатство раздаривалось демонстративно, публично, и дарение символизировало великодушие, удачу, доблесть. Корыстолюбие и скупость считались пороками, ведущими к потере звания, положения, к исключению из общества. Именно так произошло в «Скупом рыцаре» А.С.Пушкина, где передана трагическая метаморфоза человека, поправшего нормы своего круга и потому ставшего преступником в глазах собственного сына.

Рыцарь должен был стремиться к славе. Он редко бывал дома, предпочитая подвиги и сражения тихому семейному счастью. Так, Ивен из одноименного рыцарского романа Кретьена де Труа покидает свою молодую жену ради странствий и битв, что было весьма типично для того времени. Славу воину приносили как его победы, так и поведение в бою. Гибель в сражении была достойна и благородна, и в любом случае она более возвеличивала рыцаря, чем долгая жизнь и спокойная смерть от старости и болезней.

В Средние века складывались определенные правила борьбы, соблюдение которых становилось обязательным. Правила были

просты: нельзя пользоваться слабостью соперника, нападать со спины, из засады; если противник упал с коня, то другой рыцарь обязан также спешиться, чтобы уравнять шансы. Позором считалось убить безоружного, например, выронившего меч в пылу битвы, и т.п. Гордость не позволяла вызывать на поединок слабого соперника, только равного (или более сильного). Обычной практикой при выравнивании шансов являлось так называемое «доворужение» противника.

Правила «честной игры» распространялись только на рыцарское сословие, отнюдь не относясь к простонародью. Феодалы распри, крестовые походы были известны своей жестокостью по отношению к мирному населению. И в то же время враждующая элита разных стран находила друг у друга помощь и поддержку. Так, в битве при Пуатье, во время сражений Столетней войны, англичан, которые страдали от голода и дизентерии, подкармливали и лечили французы, приостанавливая на время военные действия.

Если не было войны, рыцари посвящали свое свободное время охоте. Далеко не все ее виды годились для аристократических забав. Воинам нужна была трудная добыча, так называемый «черный зверь»: кабан, волк, медведь — тот, кто опасен, с кем можно было сразиться, иногда даже один на один. Допустимым был и другой вид охоты, требовавший долгой и трудной погони на лошадях, — охота на «красного зверя»: оленей, косуль, ланей, дававшая хорошую физическую нагрузку и одновременно тренировку в верховой езде. Для этого специально готовили охотничьих собак и ловчих птиц, лошадей, оружие и одежду. Все это было дорого и потому доступно только богатым сеньорам. Псовая и соколиная охота, травля диких зверей считались благородными аристократическими занятиями и потому являлись одновременно и «наукой», и «искусством». Им предавались с подлинной страстью, о них писали трактаты, устанавливая сложные правила. Следы этих королевских забав уводят вглубь веков: еще Меровинги увлекались псовой охотой.

Другое развлечение — турниры, или военные состязания рыцарей. Существует версия, что турниры возникли в Палестине как проявление соперничества рыцарских «наций», каждая из которых стремилась доказать свое превосходство. Однако не

подлежит сомнению, что показательный бой существовал в древности у многих племен, в том числе и у германцев. У турнира имелось несколько функций:

— демонстрационная, т.е. своеобразный смотр боевых качеств рыцаря;

— тренировочная, которая позволяла поддерживать в мирное время боевые навыки на должном уровне;

— обучающая, дававшая молодежи возможность овладеть боевым искусством.

Турниры могли устраиваться спонтанно, без подготовки либо объявляться заблаговременно. Во втором случае их организаторами выступали короли или самые знатные сеньоры, так как мероприятия требовали больших затрат. На такие роскошные действия, становившиеся главными праздниками рыцарской элиты, съезжались участники и зрители со всей Европы. Подобные турниры имели сложный ритуал, включавший церемонию торжественного представления участников, проверку оружия, разнообразную программу боев, в том числе одиночных и командных, а также сражения молодежи. И завершалось все церемонией оглашения победителей, торжественным вручением подарков (денег, оружия, драгоценностей, дорогой одежды). Позднее появились турнирные книги и списки, вводилась проверка гербов. Ход турнира регламентировался строгими правилами, которые обеспечивали безопасность участников, например, специально притупляли оружие. Однако несмотря на все предосторожности, бои зачастую превращались в кровавые сражения. Церковь, желая помешать кровопролитию, с XIII в. периодически запрещала турниры, но все запреты оказывались тщетными. Ранения и гибель участников не могли остановить рост популярности турниров.

В свободное от охот и боев время рыцари скучали, ожидая своего главного развлечения — войны. Жизнь со всеми в мире, без сражений и битв, была неинтересна и обременительна для них.

Глава 3

СЕНЬОРИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ. КРЕСТЬЯНЕ И ГОРОЖАНЕ

Сеньориальные порядки

К началу второго тысячелетия в Западной Европе сложился класс феодально зависимых крестьян — основных производителей аграрного средневекового общества. Будучи единым по своему месту в системе общественного производства, крестьянство весьма различалось по правовому и хозяйственному положению. Сеньориальная зависимость могла быть личной, поземельной, судебной (ее разновидности часто совпадали или образовывали разные сочетания). Крестьяне, державшие земельный надел, обязаны были выплачивать сеньору различные виды ренты, в том числе натуральную (продуктовую или отработочную), а впоследствии и/или денежную. Личная зависимость крестьян являлась наиболее суровой формой закрепощения. Она получила в литературе название *серваж* (от наименования античных рабов-сервов). Поземельно зависимые крестьяне прикреплялись к земле и именовались *вилланами*.

Та или иная степень личной несвободы была характерна для всех категорий крестьян, но более всего для сервов. Помимо рентных, на них возлагались и другие платежи, а также унизительные повинности, подчеркивавшие их зависимое положение. Сеньор в отношении сервов, во-первых, имел право «мертвой руки»: господин после смерти крестьянина забирал все самое лучшее из его хозяйства — одежду, скот, либо брал денежный побор или забирал все имущество целиком — так называемый *мен-морт*. Если у бедняка не было ничего, то сборщик налогов мог по обычаю отрубить у трупа руку и принести хозяину, символизируя этим власть сеньора. Во-вторых, для заключения брака крестьянину необходимо было получить разрешение. Это делалось для того, чтобы господин имел право на детей или получил бы компенсацию в виде уплаты особой пошлины. Сеньор пользовался правом первой брачной ночи либо выкупа за нее. В знак своей власти он символично ставил ногу на постель новобрачной.

Население было обязано сеньору так называемыми *баналитетами*: обладая монополией на хозяйственную технику — мельницу, печь, давяльный пресс, — он вынуждал зависимых людей пользоваться ими за плату. Насильственное внедрение «технического прогресса» вызывало сопротивление крестьян, чрезвычайно враждебно настроенных по отношению к любым механизмам и вообще к любым новшествам: они отказывались платить или пытались обойтись своими подсобными средствами, например, моли зерно ручными жерновами.

Зависимое население могло быть обложено произвольными поборами, назначаемыми по усмотрению господина, который был вправе свободно менять их величину. Недаром одно из основных требований бунтующих крестьян и горожан, — отмена наиболее обременительных выплат либо установление их фиксированного размера.

Сеньориальной монополией являлись также меры и весы, поскольку их эталоны зависели от воли сеньора. Вокруг них постоянно разгорались конфликты, потому что крестьяне оспаривали сеньориальные меры и пытались использовать свои, за что их нередко наказывали. В ходу могли быть и чисто условные «натуральные» единицы измерения, диктовавшиеся патриархальной традицией. Так, крестьянину разрешалось после жатвы забрать такой объем жита, какой выдерживало косовище; или же крестьянке вменялось в обязанность печь для замка хлеб размером с ее зад и т.п.

Сеньор олицетворял для зависимых людей верховную власть. Все, живущие на данной земле, подчинялись сеньориальному суду. Единых законов не было, господин судил по обычаям своей местности (по *кутюмам*) или по собственному произволу «У каждого колодца свое право», — гласила средневековая норма. Апеллировать было не к кому и некуда, так как королевские суды не принимали жалоб на сеньора (вплоть до XIII—XIV вв.). Власть могла принадлежать как светским, так и духовным феодалам, а также коллективу, например, монастырю, городской общине. Символы власти, орудия подавления и наказания не прятали, наоборот, их выставляли на всеобщее обозрение. Например, владелец замка воздвигал около него виселицу. Она же встречала путников у въезда в город. На рыночной площади ставили позорный

столб или помост для казни. Страшная реальность того времени — тюрьма. Обычно это было подземелье в замке, где в темноте и сырости томились узники, вызвавшие неудовольствие сеньора. Самые легкие телесные наказания по тем временам — заключение в кандалы, бичевание. Средневековое правосудие не применяло защиту обвиняемого, не признавало смягчающих вину обстоятельств. Наказания назначались суровые: обрезать уши, нос, выколоть глаза, отрубить ногу или руку. Приговоры приводились в исполнение публично и служили назидательным целям, главная из которых — добиться покорности простолюдинов.

Помимо всевозможных выплат и служб на крестьян возлагались различные унижительные повинности, ряд которых описывает Т.Н.Грановский: в одном месте крестьяне в определенный день должны были приходить к замку господина, бить себя в грудь, при этом гримасничая и показывая язык; в другом владении они обязаны были в указанное время привезти сеньору яйцо на телеге, запряженной 8 волами; в третьем — целовать запоры замка и т.п. Подобные прихоти были вызваны исключительно самодурством повелителя, желанием унижить и оскорбить. Здесь скрыта не только социальная, но и психологическая закономерность: для систематической эксплуатации требовались, кроме насилия, идейное обоснование и моральная санкция сеньориальной этики.

Феодал считал крестьянина неполноценным человеком, неким подобием скота, морально и физически уродливым. Для него якобы нет ничего святого, главный его порок — святотатство (весьма серьезное обвинение для той эпохи). От названия виллана произошло средневековое понятие «виллания», обозначающее подлость и низость. Крестьянин лжив, вороват, гадок, с омерзительной внешностью. Звероподобность крестьянина стала своеобразным штампом в средневековых песнях, жестах и фаблю. В них постоянно говорилось о его безобразности. В реальной жизни презрение сеньора к крестьянину выражалось по-разному и принимало подчас причудливые формы. Так, во время восстания в Брабанте крестьяне остановили на дороге нескольких рыцарей. Последние не стали сопротивляться и дали убить себя, не пожелав обнажить свое оружие, дабы не марать его «подлой» кровью. Сеньориальная спесь могла иметь комический оттенок, как в завещании барона де Шателе. Сей знатный господин велел

похоронить себя стоймя в одной из церковных колонн, чтобы «никогда нога виллана не ступала на то место, где будет погребено его благородное тело».

Однако сеньор оказывал покровительство зависимым от него людям. Владелец замка предоставлял убежище окрестным крестьянам в случае военной угрозы, пускал своих вилланов как зрителей на праздник в замок. Но это покровительство напоминало заботу о баране, которого тщательно стригут. В стихах Бертрана де Борна откровенно демонстрируется мораль сеньориального класса: «мужики, что злы и грубы... только нищими мне любы. Любо видеть мне народ голодающим, раздетым, страждущим, небогрым!» Подчеркнем, что речь здесь идет об основном производительном классе средневекового общества, от которого зависело само существование и благополучие презирающей его элиты.

Крестьяне

В мире голода и нищеты крестьяне существовали на пределе возможного. Зачастую речь шла об их физическом выживании. Вот описание английского крестьянина и его семьи, сделанное около 1394 г.: «Человек этот утопал в грязи по самые щиколотки; впереди него плелись четыре коровы, до крайности исхудалые... Жена шла рядом с длинным стрекалом в руке... Она шла босиком по ледяной земле и из ног ее сочилась кровь. У края поля стоял небольшой короб для мусора, в нем лежал младенец, завернутый в тряпье, а с другой стороны еще двое малышей двухлетнего возраста, и все они выводили жалостную песню. Их голоса сливались в один крик — вопль нищеты. Бедный пахарь горестно вздыхал и повторял: “Тише, дети!”»

Борьба между феодальным замком и деревней шла постоянно, то начинаясь в виде партизанской войны, то выливаясь в бунты и восстания. Пассивное сопротивление крестьян выражалось в саботаже, воровстве, браконьерстве, даже в бегстве. Работа на барщине требовала жесткого контроля из-за нерадивости, крестьян, не позволяла вводить прогрессивные методы. Например, сеньору не советовали пользоваться конной упряжкой из-за возможных козней пахаря. Ситуация напоминала античное рабство, так как

недобросовестность, низкая эффективность были свойственны подневольному труду в целом.

Отчаяние, вызванное нищетой, выливалось в крестьянские бунты. Во время вооруженных столкновений враждебность в отношениях между замком и деревней проявлялась особенно резко, приводя к крайне жестоким эксцессам. Так, в хрониках Жана Фруассара, посвященных Жакерии, рассказывается о бесчисленных злодеяниях, творимых бунтовщиками: поджогах, убийствах, насилиях. Среди них есть описания крайне извращенных жестокостей: «...они убили одного рыцаря, насадили его на вертел и... поджарили на глазах жены и детей... заставили ее и детей есть испеченное мясо рыцаря, наконец, их убили, предав страшной смерти».

А вот впечатляющая картина расправы над восставшими графа Рауля из «Романа о Ру», повествующем о крестьянском восстании в Нормандии:

*«Многих вилланов он на кол сажал,
Жилы тянул, кисти рук отсекал.
Прочие были живьем сожжены,
Иль раскаленным свинцом крещены.
В успокоенье сумел преуспеть —
Без содроганья нельзя посмотреть».*

Жестоки были обе стороны. Крестьянами двигало отчаяние, сеньорами — страх, упование на расправу. Военные столкновения во все времена сопровождались бесчинствами и насилиями, но хроники передают особый колорит той суровой эпохи, скорой на суд и расправу, глухой к страданиям брэнной человеческой плоти.

Повседневная жизнь крестьян зависела от среды обитания. Преобладающая форма поселений — деревня (в горных местностях — хутор). Нередко она возникала у стен замка или монастыря, предоставлявших крестьянам убежище. Территория деревни включала, кроме места поселения, пахотную землю и альменду. Внутренняя территория (сама деревня) состояла из крестьянских дворов, церкви, деревенской площади, обнесенных валом или оградой. Крестьянский двор — это само жилище, хозяйственные постройки, сад, огород. Пахотная земля делилась на отдельные участки, и каждая семья, получив участок, обязана была платить соответствующие подати.

С развитием двух- и трехполья создается система «открытых полей», вводится принудительный севооборот. Появилась *альменда* — земельные угодья, находившиеся в общем пользовании: пастбища, леса, луга, пустоши, места рыбной ловли, глиняные и песчаные карьеры. Было запрещено использовать эти угодья с целью обогащения: нельзя было рубить лес или ловить рыбу на продажу.

Крестьянский коллектив — община. Объединяя и сплачивая крестьян, она могла дать отпор сеньориальным притязаниям, защищая интересы своих членов. В то же время с помощью системы круговой поруки, введя взаимный контроль и ответственность друг перед другом, коллектив становился гарантом своевременного и полного выполнения феодальных повинностей. Поддерживая индивида, он одновременно подавлял его. В крестьянской среде отсутствовала иерархия, крестьяне мыслились как равные субъекты. Однако в действительности в общине происходило постепенное расслоение, появлялись зажиточные семьи, руководящие и заправляющие всеми делами. Из них выбиралась либо назначалась деревенская администрация: старосты и присяжные, которые выступали посредниками между деревней и замком, арбитрами в спорах соседей, занимались благотворительностью, ссужали деньги.

Для крестьянского образа жизни в наибольшей степени были характерны консервативно-традиционалистские убеждения о неизменности своей доли, усвоенные с детства, воспитанные церковью и общиной. «Они были вилланы, и дети их пребудут вилланами во веки веков» — учила церковь. Сельская община выступала хранителем патриархальных традиций (они проявлялись в разных жизненных аспектах, в частности, в наследовании родительских занятий), в том числе культурных — песен, плясок, обрядов и праздников, соединивших язычество с христианством. Жизнь земледельца в полной мере подчинялась природным ритмам и обычаям. Счет лет шел лишь по отдельным событиям, войнам или стихийным бедствиям.

Горожане

Патриархальные устои деревенской жизни постепенно разрушались товарно-денежными отношениями. Источником новых веяний становились города. В известной степени они «питались деревней», эксплуатировали ее, манили и пугали своим богатством. Городам удалось сделать то, что было не по силам деревне: горожане освободились от личной зависимости. «Городской воздух делает свободным», — гласила поговорка того времени. По средневековой норме человек, проживший в городе определенный срок (обычно год и один день), становился свободным.

Город создавал особое сословие горожан. Он объединял своих жителей в городскую общину, *коммуну*. Войти в нее можно было, только имея определенное состояние. Ее полноправные члены обладали рядом привилегий и вольностей и именовались «бюргерами». Вне городской коммуны оставались бедняки и чужаки, клирики и евреи. Члены коммуны мыслились как равные. Этот принцип бросал вызов всему феодальному миру — замкам, церквям, монастырям. «Коммуна — это отвратительное слово», — выразил свою неприязнь церковный хронист Гвиберт Ножанский (XII в.).

Создав систему правовой унификации, городская коммуна не могла, да и не ставила своей целью искоренение экономического и социального неравенства. Население города составляло своеобразную пирамиду: патрициат; состоятельные торговцы, ремесленники-цеховики и домовладельцы; рядовые горожане, в том числе занятые продажей услуг, — матросы, возчики, носильщики, слуги; городской плебс и деклассированные элементы.

Во главе города стоял *патрициат*. В него входили богатые домовладельцы, ростовщики, купцы-оптовики, верхушка цеховых мастеров. Из этой замкнутой группы наследственной городской аристократии формировался городской совет, судебная коллегия и администрация. В их руках находились и, как правило, использовались в их же интересах городское имущество, строительство, налогообложение. Патриции подражали в быту феодалам: носили гербы, участвовали в турнирах, роскошно одевались, имели великолепные дворцы, занимавшие целые кварталы.

На следующей ступени стояли ремесленники (мастера) и состоятельные торговцы. Средневековое ремесло и торговля имели корпоративную структуру. Полноправным членом цеха являлся мастер, который трудился в мастерской. Ему помогали подмастерья и ученики. Прохождение низших ступеней было обязательным для ремесленника. Обучение длилось долго, от 2 до 12 лет, так как приемы и инструменты осваивались в процессе прямой передачи навыков, а мастерство достигало весьма высокого уровня, было «на кончиках пальцев». До периода замыкания цехов каждый ученик мог стать подмастерьем, а затем и мастером. Для этого ему нужно было сдать экзамен, т.е. изготовить пробный образец — *шедевр*, заплатить вступительный взнос и устроить пирушку для мастеров. С XIV в. только родственники мастера могли рассчитывать на вступление в цех. Мастера все сильнее эксплуатировали и подмастерьев, и учеников (их рабочий день доходил до 18 часов).

Цех строго регламентировал производство, устраняя конкуренцию. Цеховые уставы определяли условия труда, применяемые технологии, сырье, инструменты, число подмастерьев и учеников. Они также контролировали качество продукции, устанавливая параметры готового изделия (например, какой ширины и цвета будет ткань, сколько нитей в основе и т.д.). Цехи имели собственного святого покровителя (свою церковь), являясь одновременно религиозным объединением.

Оборона города также строилась по цеховому принципу, его члены сплачивались в боевой отряд вокруг своего знамени. Цехи организовывали всю частную жизнь мастеров: занимались благотворительностью, оказывая помощь в случае болезни или смерти мастера, выполняли функции надзора за нравственностью, особенно строго контролируя поведение учеников и подмастерьев, принимали у них экзамен. Наконец, они заботились о досуге мастеров и членов их семей: устраивали пиры, танцевальные вечера и др.

Купеческая среда имела свою элиту, которая была объединена в торговые гильдии. Это, как правило, были богатые торговцы-негоцианты, ведущие транзитную торговлю. Основную массу торговцев составляли мелкие лавочники, разносчики, занимавшие одинаковое с ремесленниками положение, а зачастую

являвшиеся ремесленниками или крестьянами, продающими продукты своего труда «Для настоящей торговли не было места, — отмечает Э.Поньон, — так как профессия купца была не только опасна, но и “бесполезна” — практически все товары, за исключением оружия, были тем, без чего можно обойтись, т.е. предметами роскоши».

Низшие слои города — городское плебейство, рабочий люд — образовывали пеструю смесь. Слуги, подмастерья, носильщики находились вне городской общины и были лишены какой-либо защиты. Городские поденщики и подмастерья составляли слой средневековых наемных работников, предпролетариата. Начиная с XIII в. этот слой постоянно рос, пополняясь за счет обедневших крестьян и ремесленников.

На самой нижней ступени иерархической лестницы находилась масса нищих, бродяг, бездомных. Нищенство — постоянная данность средневековой жизни: это состояние осмысливалось как угодное Богу. Созерцательному, паразитическому образу жизни отдавалось предпочтение перед деятельным, жить подаянием было незасорно. «Христовы бедняки», «избранники Божии» — так именовали их, помня о тех, кто первым воспринял проповедь Христа, кто пошел за ним. Нищенские монашеские ордены сделали из бедности духовную ценность, а милостыня почиталась как одно из средств спасения души: молитва сирого и нищего будет скорее услышана на небесах, поэтому бедные могут стать заступниками богатых. «Христораздающих» кормили при замках и монастырях, увеличивая до бесконечности их численность. Раздача милостыни являлась непременной составной частью любого праздника, а дворцовый этикет включал бедняков и нищих в торжественные церемонии, отводя им роль объектов благодеяний владетельных особ. Смирение, уничижение — таков был лейтмотив королевского подвига милосердия. Например, Св. Маргарита (королева Шотландии в XI в.) мыла ноги нищим и раздавала пищу сиротам, Людовик Святой посещал бедняков и также кормил их из своих рук и т.д.

Нищенство было тесно связано с бродяжничеством. Большое количество бродяг — одна из примет того времени. Средневековые вытаскивали на дорогу изгоев, преступников, пилигримов. В городах низший слой населения был текуч, лица постоянно

менялись, образуя группы так называемых «вредных людей», живущих за счет не только подаяния, но и воровства, проституции, мошенничества и других непозволительных занятий. Игроки, бродячие школяры, паяцы, фокусники, искатели приключений, распутные женщины странствовали по городам, творя всевозможные бесчинства. Они появлялись всюду, куда стекался народ, где устраивались праздники, и пускались в разгул.

Таков был пестрый мир, образующий основание феодальной пирамиды: «трудящиеся», кормящие все средневековое общество, и вытолкнутые из этого общества изгои.

Глава 4

ЖЕНЩИНА И СЕМЬЯ. КУЛЬТ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Женщина и семья

В период Средневековья женщина занимала второстепенное, подчиненное положение. Отношение к ней общества было закреплено в догматах христианской религии. Апостол Павел объявил женщин существами зависимыми, поставив их ниже мужчин: «...ибо не муж от жены, а жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа». На женщину возлагалась вина за первородный грех. Грехопадение в раю — главный источник, питающий западную женофобию, получившую дальнейшее развитие не только во взглядах крупнейших христианских теологов, но и в системе морали, господствовавшей в средневековом обществе. Ее отличительные черты: аскетический и антисексуальный идеал, мизогиния, превосходство мужчины над женщиной.

Поскольку плоть объявлялась вместилищем зла, а женщина — носительницей греховного соблазна, «вне закона» оказывалась вся сфера эротического. Идеал, к которому нужно было стремиться, — абсолютное воздержание, девственность, так называемый «духовный брак». «Тело же не для блуда, но для Господа», — сформулировал Павел одну из основополагающих идей. Раннехристианские взгляды, сложившиеся в стройную систему, воплотились в аскетизме и монашестве, получивших мощное развитие в Средние века. Понятно, что церковный идеал любви к Богу не мог диктоваться всей массе населения. Для мирян церковь утверждала особые правила, отнюдь не противоречащие центральной установке.

Брак стал *таинство*. К таинствам в христианстве причисляли особые культовые обряды, совершаемые священнослужителями, в результате которых на верующих нисходила Божья благодать. Главной целью брака объявлялось рождение детей, продолжение рода (как и всего человеческого рода в целом). Помимо деторождения церковь признавала и другие основания для вступления в брак: оказывать друг другу помощь, давать советы, избегать

греховной страсти, заключать мир. «Греховное вожделение» изначально исключалось из семейных отношений. Супруги не должны были слишком горячо любить друг друга, плотские отношения продолжали считаться греховными, а идеал аскезы сохранялся.

Церкви пришлось долго бороться, чтобы на место языческого обряда бракосочетания пришло церковное таинство. Когда-то на заре Средневековья язычники сочетались браком по своим обычаям. Когда языческие обряды сменились христианской церемонией, церковь стала защищать все этапы на пути к семейному союзу: заключение контракта, помолвку, церемонию бракосочетания. Она взяла на себя повседневное руководство, контролируя семейную жизнь, строго надзирая за нравственностью. Вступать в брак разрешалось в весьма раннем возрасте: невесте должно было исполниться 12 лет, а жениху — 14 (иногда женились и выходили замуж еще раньше).

Только в конце VIII в. впервые запрещены разводы, священники получили право проверять степень родства, а в начале IX в. было узаконено участие священнослужителей в церемонии бракосочетания. Выбор супругов определялся имущественными или престижными интересами, а также политическими амбициями, что было характерно для правящей верхушки. Заключение брака должно было служить благополучию и процветанию рода, и потому право принимать решение принадлежало главе семьи: отцу, старшему родственнику или же сеньору, опекавшему своего вассала (его жену и детей в случае гибели последнего).

«Муж есть глава жены» — эти слова апостола Павла говорили о патриархальном характере средневековой семьи больше, чем длинные рассуждения. Средневековое общество признавало за мужчиной право «учить» жену. Формы такого «обучения» были чрезвычайно разнообразны, в том числе применялась и физическая расправа, что вполне соответствовало духу времени. Женщина на протяжении многих столетий была лишена имущественных прав, и даже женам титулованных аристократов после смерти мужей оставались лишь титулы, которые также не передавались по женской линии. Вплоть до XII в. жены и дочери феодалов не могли наследовать земельных владений, которые, за неимением сыновей, отходили к другим родственникам по мужской

линии. Но даже получив такие права, женщины продолжали оставаться пассивными посредниками при передаче наследства, так как опека над женой и детьми погибшего вассала принадлежала сюзерену. Он решал их судьбу, исходя из собственных интересов.

Церковь объявляла брак вечным и нерасторжимым, но разводы все-таки случались, хотя и довольно редко. В классическое Средневековье поводом для развода могло стать, например, отсутствие детей. Расторжению также подлежал брак, заключенный с нарушением церковных установлений, ведь в таком случае он не мог считаться таинством.

Моногамия на протяжении веков оставалась недостижимым идеалом. Начиная с франков, знатные вельможи меняли жен так часто, как им этого хотелось. Судя по хроникам, первые Меровинги напоминали восточных владык, беря себе все новых наложниц, делая их женами и расставаясь с прежними. Франкский сеньор имел столько жен, сколько мог прокормить, отмечал Виолле-ле-Дюк. В поместьях магнатов, начиная с VI в., имелись так называемые «голубятни» — дома служанок, удовлетворявших специфические запросы сеньоров.

В течение всего Средневековья существовал *конкубинат*. Собор в Толедо в 400 г. разрешил его, рассматривая как постоянный внебрачный союз либо как неоформленный брак. Он был широко распространен, в результате чего появилось большое число внебрачных детей. В среде феодалов побочные сыновья, *бастарды*, признавались семьями, их положение не считалось позорным. Конкубинатом активно пользовалось духовенство, которому был запрещен официальный брак. Только в XVI в. светские и церковные власти положили конец данному институту.

Средневековый человек (в отличие от, например, гражданина античного полиса) в первую очередь принадлежал семье и лишь затем — обществу. Малая семья (отец, мать и дети) входила в состав домашней общины или большой семейной группы — *линьяжа*. Больше всего были известны линьяжи в высших слоях общества, в феодальных либо патрицианских кругах. Они включали кровных родственников, побратимов и зачастую вассалов — т.е. весь род, совместно владевший землей и другой недвижимостью. Для мужчин феодального линьяжа воинские обязанности и вопросы чести были не менее важны, чем хозяйственные интересы.

Его члены связывались узами родственной солидарности, и потому род проявлял сплоченность и на поле боя, и во время междоусобиц. Отстаивая честь рода, мстя за действительные или мнимые оскорбления, линьяжи сталкивались в кровопролитных *файдах* – средневековой вендетте. Кровная месть на протяжении столетий оставалась незыблемым законом средневекового Запада. Ответственность за содеянное также несли все родственники, например, при проигрыше в *ордали* — судебном поединке. Поддержка рода – важная реалья, и потому сила и могущество линьяжа определялись не только знатностью его членов и богатством земельных владений, но и количеством родственников.

Многочисленность родни одновременно создавала и крайне напряженную ситуацию. Соперничество, характерное в целом для рыцарской элиты, проявлялось и в семье. Каждый линьяж — это микрослепок феодальной лестницы, где выстраивалась властная иерархия, определялся «порядок клевания». От рыцаря требовались доказательства его состоятельности как военного командира, сеньора и вождя, в чем он и практиковался с юношеских лет. Это приводило к соперничеству между родными, к ссорам детей и отцов, к борьбе бастардов за власть. История дает тому массу примеров: борьба между сыновьями Вильгельма Завоевателя, бунт детей против Генриха и т.д.

Наличие большой семьи было характерно также для ремесленной и крестьянской среды. Здесь она принимала форму домашней общины, ведущей совместное хозяйство. В деревне ее члены обрабатывали общий земельный надел, в городе совместно трудились в мастерской хозяина. К общине могли принадлежать и слуги; в доме мастера жили и кормились ученики и подмастерья, зачастую женясь потом на хозяйских дочерях.

Вклад женщины в средневековое хозяйство чрезвычайно высок. Труд крестьянки был почти тождествен мужскому. Она работала в поле, на своем огороде, вела дом, занималась подсобным промыслом. Представительницы высшего класса руководили работой *гинекеев* — мастерских, где выполнялись типично женские работы: прядение, ткачество, пошив одежды, изготовление отделки и аксессуаров. «Люди прялки» — называли женщин той эпохи. Женщины из низов нанимались в прислуги, работали белошвейками, прачками, банщицами, торговали на рынке.

В средневековом городе наблюдался избыток женского населения. В результате войн и междоусобиц, опасностей торговых путей мужчины погибали значительно чаще. Часть их была лишена возможности вступать в брак. В первую очередь это относилось к клирикам. Первоначально безбрачие было обязательным только для монахов и высшего духовенства, но в XI в. оно распространилось на все католическое духовенство (*целибат*). Ремесленники при вступлении в брак обязаны были доказать наличие самостоятельного заработка, поэтому цеховые подмастерья, как правило, были также обречены на безбрачие.

С XIV в. началось замыкание цехов. Допуск в них подмастерьев еще больше сократился. Образовалась категория так называемых «вечных подмастерьев», и число холостых мужчин возрос до невиданных размеров. Это способствовало снижению количества заключаемых браков и развитию проституции.

Такого явления, как греческий гетеризм, в то время в Западной Европе не существовало. Средневековая проституция функционировала преимущественно в закрытой форме цеховой организации. Государство стремилось поставить ее под контроль. Дома терпимости в XIII в., как правило, являлись государственной структурой. Они содержались за счет городского совета или государя (князя). Непосредственно руководил ими управляющий, принимающий присягу и работающий под наблюдением городских чиновников. Контингент «работниц» формировался за счет торговли сервами и рабами, сводничества и сутенерства. Широкому распространению этого явления способствовали бродяжничество, паломничество и пилигримство. Так, в середине VIII в. миланский архиепископ просил Синод запретить паломничества монахинь в Рим, так как они в большинстве своем заканчивались плачевно. Кроме того, проституция процветала в банях, кабаках и тавернах, а также во время ярмарок, праздников, турниров, крестовых походов и т.п.

Как ни парадоксально, но церковь и государство сами повсеместно инициировали распространение убеждения в абсолютной неизбежности проституции. Являясь производной первородного греха, она неискоренима, как и сам грех. Речь шла даже о некоторой пользе этого порока. Ее рассматривали как защиту от еще более опасного зла: нарушения супружеской верности, соблазнения

«приличных» женщин и т.д. Поэтому власти считали полезным разумно организовать и оказывать покровительство этой специфической торговле. С подобными взглядами диссонировало стихийное общественное презрение, требовавшее отдаления проституток от обычных женщин. Его выражением стали законодательные предписания об особых знаках отличия, как правило, связанных с одеждой (античная традиция). Например, с XI в. в Англии и Германии проституткам полагались специальные платья с высоким вырезом на юбке. В XIV в. обычно акцентировалась какая-нибудь деталь костюма: желтый шарф (Вена), красный Бант (Безансон), рогатый чепец (Пьемонт), красная шапочка (Цюрих) и т.д.

Официальная церковь относилась к этому явлению весьма терпимо: проституткам разрешалось посещать богослужения, в церкви им были отведены специальные места. Раскаявшиеся блудницы прошлого становились их святыми заступницами и патронессами, в их числе — Мария Магдалина, Мария Египетская, Лючия и т.д. С другой стороны, церковь видела свою задачу в спасении падших женщин и выступала инициатором создания особых заведений: «домов для кающихся грешниц», монастырей Святой Магдалины (особенно начиная с XIII в.) и др.

Культ Прекрасной Дамы

Удивительное явление Средних веков — культ Прекрасной Дамы. Его истоки не ясны. Обычно в воинственных культурах, прославляющих мужчину-воина, женщины оцениваются не слишком высоко. Нет ни малейшего намека на культ женщины ни в Древней Спарте, ни у самураев. Как бы то ни было, но данный культ носил явно антиматримониальный характер, представляя собой антитезу институту средневекового брака.

Культ возник в XII в. Считается, что его родина — юг Франции, — регион более древней и изысканной культуры, чем север. Он воспевал сладостное блаженство и эротическое томление. Прославление Дамы сердца распространилось во Франции и Германии, его заимствовали другие страны. Прекрасной Даме поклонялись странствующие менестрели, трубадуры и миннезингеры.

В XIII в. появился куртуазный роман, получивший затем самое широкое распространение. В развитии данного жанра сыграли видную роль реальные исторические лица — Элеонора Аквитанская, Мария Шампанская и др. Дамы не только вдохновляли поэтов, но и сами сочиняли баллады и песни, как, например, Мария Французская или графиня де Диа.

Благородная возвышенная любовь — монополия рыцарства. Только женщина из «сеньориального» класса обладала привилегией возбуждать это чувство, но никак не простолюдинка. Существовало два правила рыцарского поведения, две страсти и обязанности: «сражаться и любить». То и другое должно было совершаться абсолютно бескорыстно.

Куртуазная любовь основывалась на поклонении Даме и строилась по модели вассальных отношений. Женщина в этом дуэте играла главную роль, занимая место сеньора. Влюбленный приносил клятву своей избраннице и служил ей как сюзерену. Культ любви включал отдельные ступени посвящения, а его центральным пунктом становились испытания. Рыцарь служил во имя идеи, а Дама была только поводом для выражения чувств и демонстрации доблести. Интересно, что вознаграждение влюбленного как бы и не предполагалось в этой игре; во всяком случае, не являлось основной целью. Таким образом, характер этих отношений был платоническим (хотя и физическая связь отнюдь не противоречила духу времени). Следует отметить, что культ Дамы процветал при дворах крупных сеньоров. Как правило, объектом поклонения избиралась хозяйка замка. Для вассалов своего мужа, странствующих менестрелей, происходивших из семей бедных и малоземельных рыцарей, она оставалась недостижимой. Они прославляли зрелую замужнюю женщину, не рассчитывая на взаимность.

Помимо воспевания сеньоры культ предполагал реальные действия, подтверждающие чувства почитателя. Диапазон их был весьма широк, и фантазия играла здесь не последнюю роль. Это подвиги на поле боя или на турнирах, совершаемые в честь возлюбленной (что было наиболее традиционно), разнообразные деяния, начиная с самых простых и безобидных поступков (ношение платка, ленты, перчатки или рубашки своей дамы, а также цветов ее герба) и заканчивая самыми экзотическими и мазохистскими

актами (вырывание ногтей, бег на четвереньках, волчий вой). Добровольно вступая в любовное рабство, рыцари подвергали себя всевозможным унижениям, чтобы добиться благосклонности своей повелительницы, терпели физические мучения. Возможная боль была не так страшна, как отказ от собственного «эго» — рыцарской гордости, приносимой в дар любви. Конечно, подобное поведение не являлось типичным, но экстатические и экстремистские проявления не были редкостью в то время.

Своей кульминации поклонение женщине достигло в культе Девы Марии. Он распространился еще в XI в. и впоследствии пользовался самой широкой популярностью. На Западе получила хождение легенда о непорочном зачатии Марии и отмечался одноименный праздник. Мария объявлялась «новой Евой», искупившей грехи своей праматери, ее рассматривали как милосердную заступницу. Она символизировала собой образ незапятнанной девственности, чью духовную красоту мужчины религиозно превозносили.

Развитие городов и городской культуры отнюдь не способствовало улучшению положения женщин. Наоборот, горожанка оказалась прикованной к домашнему очагу, порабощенной домашним хозяйством. Именно в бюргерских кругах вырабатывались самые строгие требования, касающиеся женского поведения. Они напоминали законы античного греческого мира; женщина не могла позволить себе посмеяться и поболтать с кем-либо на улице, она не должна была смотреть по сторонам, была обязана опускать очи долу и т.п. Эти нормы выглядели контрастно по сравнению с той свободой, которую имела знатная дама. С началом крестовых походов жена сеньора брала управление вотчиной в свои руки и приносила специальную ленную присягу.

В XII в. в городах широко распространилась антифеминистская литература. Светские писатели взяли на вооружение старые церковные взгляды на греховную сущность женщины, ее изначальную порочность. Во всевозможных фаблио бичевалась женская испорченность, осмеивались слабости и недостатки женщин: дескать, они суетны и болтливы, завистливы и глупы, спесивы и тщеславны, а их пристрастие к моде и косметике способно разорить мужей. Во всей литературе того времени вряд ли можно было найти доброе слово о женщине. Поразительно, что эта литература

существовала рядом с куртуазной лирикой трубадуров, но в то же время в разных культурных мирах, параллельно, не пересекаясь друг с другом. Усиление дискриминации горожанки, литературный антифеминизм во многом подготовили почву для последующего «гонения на ведьм», начавшегося с XIV в. и широко распространившегося в эпоху Возрождения.

Показательно, что общество того времени не создало образа мудрой супруги или матери многодетной семьи. Средневековье знало только два полярных взгляда: женщина в литературе либо являлась воплощением греховности, либо представала в образе святой небесной красоты. Культ Прекрасной дамы, будучи разновидностью последнего, заложил основы будущей эмансипации мира человеческих эмоций. Он дал культурную форму, имеющую непреходящую ценность, сохраняющую свое значение для последующих эпох.

Глава 5

ХРИСТИАНСКИЙ МИР

Церковь

Привилегированным средневековым сословием являлись священнослужители — клир, чьей обязанностью были служба и молитва. Церковь, превратившаяся из общины верующих в мощную организацию, нуждалась в своих профессионалах. Помимо молитвы духовенство совершало обряды богослужения, учило, контролировало нравы, занималось благотворительностью. Духовенство разделялось на белое и черное. Первые — священники, диаконы — жили в миру и служили мирянам, вторые — монахи — в поисках Града Божьего удалялись от мира в пустыни.

Христианская церковь долгие годы оставалась единственной силой, объединяющей Европу. Однако сама она не была единой. Разделение христианства на конфессии началось еще в период античности как результат распада Римской империи. Различие двух миров, «латинян» и «православных», непонимание и враждебность привели в 1054 г. к расколу. Разделившись на западную и восточную, предав друг друга анафеме, две христианские церкви пошли разными путями, все более удаляясь друг от друга. Чем сильнее дезинтегрировался западный мир, тем жестче централизовывалась римско-католическая церковь, претендующая сначала на независимость от светской власти, а затем и на папскую *супрематию*. Во главе западной церкви стоит «наместник Иисуса Христа» папа римский. Восточная православная конфессия не посягала на самостоятельную политику, следуя своему назначению, прописанному в названии: «правильно славить Бога». Сословие духовенства обладает собственной иерархической вертикалью и делится на священнослужителей, имеющих степень (сан) священства, и церковнослужителей, ее не имеющих. Так, для белого духовенства характерна следующая иерархия: высший ранг — кардиналы, архиепископы, епископы, средний — священники, низший — церковнослужители (пономари, псаломщики, аколиты и др.).

Христианское монашество возникло на Востоке еще в эпоху античности. Монашество (от слова «*монах*» — одинокий) первоначально складывалось в форме анахоретства (отшельничества) в Сирии и Египте. На Западе отшельники уединялись в лесах и горах, на островах и побережье, но главной здесь являлась не индивидуальная форма, а коллективная, общежитийная. Первые монастыри строились по восточной модели, собственную римская модель церковь выработала лишь в VI в. Важнейшая роль в ее становлении принадлежит Бенедикту Нурсийскому, основавшему монастырь Монтекассино и создавшему «Правила» монашеского общежития. Бенедиктинский устав, поддерживаемый папами, стал к концу раннего средневековья главным нормативным документом, регламентирующим жизнь западного монашества, а количество бенедиктинских монастырей стремительно росло.

Монашеская жизнь стала четко регламентироваться, из нее исключались анархия и бродяжничество. Требования бенедиктинского устава были умеренными: монахи давали обеты целомудрия, бедности и послушания. Подвигу аскезы в монастырях, как правило, места не было. Монахи должны были молиться, трудиться и соблюдать молчание. Послушание трактовалось как полное подчинение воле аббата, бедность — как отказ от личной собственности (общемонастырское богатство не противоречило принципу личной бедности), физический труд по мере роста монастырей все более заменялся интеллектуальным — чтением религиозной литературы, перепиской книг. Позднее возникло множество различных монашеских *орденов*, среди них: премонстранты и цистерцианцы, отличавшиеся строгим уставом; духовно-рыцарские ордены, предназначенные для борьбы с исламом; нищенствующие ордены францисканцев и доминиканцев. Ордены отличались как функционально, так и по организационным принципам, преследуя разные цели и имея собственные уставы. Создавались женские монастыри, как правило, принимавшие женщин из привилегированных слоев. Некоторые ордены и монастыри непосредственно подчинялись папе римскому.

К католическому культу относились богослужения, требы и таинства, почитание икон, святых и реликвий, а также паломничества, чрезвычайно распространенные в эпоху Средневековья. Важнейшее место в богослужении занимает *литургия (месса)*,

центральным моментом которой являлось совершение таинства — *евхаристии*. Месса включала молитвы и песнопения в сопровождении органа (с X в.) и завершалась обрядом причащения. Молиться в ту эпоху означало петь. В романский период вообще не было индивидуального, внутреннего (т.е. немого) обращения к Богу. Монахи несколько часов в день во весь голос распевали молитвы. Это был их *Opus Dei* — Труд Божий, молитва, творившаяся «без отдыха, изо дня в день, ежечасно» (Ж.Дюби).

Вера

Средневековый европеец видел вселенную, весь окружающий человека космос сквозь призму христианской религии. Церковь учила, просвещала и наставляла, указывала систему координат, по которым человек соотносил себя с другими людьми, определял свое место во времени и пространстве. Мир земной и мир небесный настолько тесно переплетались в средневековом сознании, что иррациональное мыслилось подчас более реальным, близким и доступным, нежели дальние страны и континенты.

Христианство призывало верующих почитать Бога в трех лицах, т.е. поклоняться Святой Троице: Бог есть Отец, Сын и Дух Святой. Для простых людей это представляло собой загадку, божественную тайну. Несмотря на все старания внедрить в массовое сознание идеи о бестелесности божества, христиане представляли его конкретно. Эпоха Каролингов подчеркнула могущество и силу Бога, он стал Богом во славе — Пантократором, Вседержителем, символом земной и небесной власти. Здесь ипостась Бога-Отца выступила на первый план. Он предстал в образе феодального сеньора со всеми его атрибутами (с вассалами — ангелами, монахами, мирянами, с небесным феодалом, с клятвой верности), а также царя, наделенного знаками царской власти (корона, трон и др.). Параллельно происходила эволюция иного плана: Христос как Пастырь, Учитель и Спаситель превращался в страждущего и распятого страдальца. От идеи власти акцент все более перемещался на земное, человеческое естество, символизирующее смирение и страдание.

Дьявол и Бог — два полюса, постоянно присутствовавшие как реальность в средневековом сознании. Конечно, полярность добра и зла не означала их равнозначности. С точки зрения теологической доктрины, такие взгляды были чистым манихейством, являлись греховными и осуждались. Однако на бытовом уровне, в умах людей они имели, по-видимому, равные права. Любой добрый поступок исходил от Бога, греховный — от дьявола. Каждый отдельный человек, как и все человечество, служил вечным яблоком раздора между этими двумя могущественными силами. Классическое Средневековье, как и Раннее, еще не знало расцвета магии и колдовства, а также «охоты на ведьм». Борьба с демонией, стихийно внедрявшейся в массовое сознание, началась с XIII в. В числе инициаторов первых процессов были Фридрих II, Филипп Красивый и другие государи. С этого времени ведьм и колдунов приговаривали к сожжению на костре.

Христианство предлагало верующим определенную систему ценностей. Жизнь человека рассматривалась как нечто преходящее, быстротечное: ты — песчинка перед лицом вечности, и потому какой бы властью и силой ни обладал в этом мире, каких бы почестей ни сподобился, перед Богом ты предстанешь нагим. Все мирское тщетно и суетно. Не о благах земных надо заботиться, но о жизни вечной, о спасении своей души. «Жить, умереть и быть судимым» — так формулировала церковь цель и смысл человеческой жизни. Человек, обладающий свободой воли, за все будет отвечать персонально. Церковь ставила его лицом к лицу с Всевышним на Страшном суде. Конечно, за человека могут просить его святые заступники и Дева Мария, но в конечном счете он будет находиться наедине со своими грехами и добродетелями.

Правовое сознание Средневековья проецировалось на трансцендентный мир. Страшный суд мыслился в категориях феодального права, а божественный судья — феодальный сеньор, восседавший на троне во главе своей курии. Ангелы и демоны ведут между собой спор за душу усопшего, а Бог выносит окончательный приговор. Все поступки, мысли и чувства, записанные в «Книге жизни», будут должным образом оценены на последнем суде, обрекающем бессмертную душу на вечное проклятие или возвещающем ее спасение. Блаженство в будущей жизни никому не гарантировано. Все люди грешны, ни добрые дела, ни достойное

поведение не могут принести успокоительной уверенности — так многие века церковь воспитывала верующих в страхе Божиим, утверждая в них мысль о собственной греховности.

На протяжении многих столетий оценка прегрешений верующего выступала как нечто внешнее, стороннее для него. За каждый проступок налагалось определенное наказание, а их соотношение определялось по *пенитенциалиям* («покаянным книгам»), представлявшим собой специфические сборники штрафных санкций. В XII—XIII вв. в этой сфере происходили серьезные изменения. Исповедь из публичной и групповой превращалась в индивидуальный акт, совершаемый каждым в одиночестве в присутствии священника. Начиная с XIII в., ежегодная исповедь вменялась верующим в обязанность. Им было необходимо уметь оценивать свои поступки, отличать грех от добродетели в их религиозной трактовке. Более того, от верующего требовалось раскаяние. Признание в грехе и покаяние — лучшее средство очищения, уничтожавшее саму виновность: «благодаря раскаянию грех умирает».

Обращение к внутреннему духовному миру человека — серьезный переворот в ментальности Средневековья. Знаменуя собой изменения в «коллективном бессознательном», оно ставит проблему духовной вменяемости, способности нести ответственность перед Богом за свои мысли и поступки.

Средневековый человек, безусловно, был в высшей степени религиозен. Правда, степень религиозности и ее «качество» различались в зависимости от того, идет ли речь о «религии полей» или «религии капеллы», о неискушенных простаках или средневековых интеллектуалах. Для низших слоев была характерна поверхностная религиозность, отягощенная языческими представлениями.

Средневековое христианство — «религия мертвых» (Ж. Дюби). Потусторонний и земной мир тесно соприкасались, историки даже высказывают предположение, что понятия «потусторонний мир», «тот свет» и т.п. отсутствовали, мертвые воспринимались как особый возрастной класс. В мировидении и в реальной жизни умершие и живые находились рядом, контактировали друг с другом. Характерно, что общение между ними воспринималось как нечто обыденное и заурядное. О будничном отношении к смерти говорит и практика захоронений.

Мертвые не только соседствовали с живыми. Формировавшийся культ святых создавал вокруг их гробниц и мощей некое сакральное пространство. Могилы мучеников притягивали людей святостью, к ним стекались паломники. «Мученики нас охраняют, пока мы живем во плоти, и они же берут на себя заботу о нас, когда мы покидаем свою плоть», — писал М. Туринский. Хоронить старались под охраной святого, обеспечивая покойнику надежную защиту. Часовни и базилики превращались в кладбища, нередко становясь центрами монастырей. Сначала это происходило с периферийными церквями, затем мертвые «вторглись» в город, на территорию городского собора. Хоронили в освященной церковной земле, причем могилы находились за церковной оградой, внутри нее, а также в самой церкви вплоть до алтаря или под ним (крипты). Кладбища и церкви соединялись, что являлось характерной чертой христианской культуры. Мертвые переставали вызывать страх. На смену ему пришло чувство «безразличной близости» (А. Арьес).

Ученость

Церкви и монастыри играли выдающуюся роль в развитии культуры средневекового мира. Духовенство было не только самым образованным, но и вообще единственно грамотным сословием. При церквях и монастырях открывались школы, где учились как будущие монахи, так и дети мирян. В монастырях имелись библиотеки и *скриптории* (мастерские по переписке книг).

Важнейшая роль в процессе сохранения и передачи информации принадлежала книге. Книга того времени была произведением искусства, сокровищем, не доступным простому человеку, имела сакральный характер. До XII в. книги хранились в основном в монастырях, ими пользовались во время богослужений и торжественных церемоний (например, клялись на Евангелии). В монастырских скрипториях их переписывали каллиграфы, так как это занятие считалось у монахов богоугодным делом. В период античности книга представляла собой свиток папируса. После падения Рима папирус, производство которого было налажено в Египте, постепенно выходил из употребления. Его вытеснил

пергамент (пергамен) — специально выделанная телячья, а также козья, баранья и свиная кожа. Пергамент был весьма дорог, однако имел некоторые преимущества по сравнению с папирусом. Он был более прочен, долговечен, его можно было *фанцевать* (сгибать без перелома), а также использовать с обеих сторон, поскольку он был непрозрачным (чтобы стереть написанное, кожу обычно зачищали ножом.) Листы пергамента с написанным текстом сшивались крепкими веревками в *кодекс* и помещались в переплет из досок, которые одновременно сдавливали и распрямляли кожу, не давая ей коробиться. Доски обтягивались тканью или кожей, декорировались металлическими пластинками и драгоценными камнями. Сам текст украшался заставками, цветными *инициалами* (рисованными заглавными буквами), снабжался миниатюрами.

В XII в. монастырская книга уступило место книге университетской. В университетах были организованы собственные скриптории, в которых работали ремесленники. Процесс производства упростился и унифицировался: применялось беглое курсивное письмо, простое оформление, мягкий переплет. С XIV в. широко использовалась бумага. Книга из предмета роскоши стала результатом труда интеллектуала, средством познания мира.

Обучение грамоте и прочим премудростям считалось делом далеко не обязательным, особенно в раннее Средневековье. Даже такой авторитет, как Бенедикт Нурсийский, не относил образование к числу главных христианских добродетелей. Подавляющая масса населения была попросту неграмотной. Однако констатации этого факта недостаточно, чтобы показать ту пропасть варваризации и регресса, в которую опустилась Европа в результате крушения античного мира. Отныне традиции античного светского образования сохранились лишь в редких очагах культуры (в основном в Средиземноморском ареале). В остальных же регионах школы существовали только при монастырях, как религиозный институт, готовящий образованных клириков.

Развитие школьного образования на протяжении многих веков зависело от воли светских властителей. Яркий пример тому — Каролингский ренессанс, подъем и консолидация культурных сил в тот период, когда Европа вновь обратилась к духовному наследию античности. Карл Великий стремился усовершенствовать

систему образования; при нем была создана дворцовая школа, так называемая Академия — важнейший центр науки в западном христианском мире; по его «Капитулярию о науках» школы должны были быть открыты при каждом монастыре и во всех епархиях. В них могли учиться как клирики, так и дети мирян, как мальчики, так и девочки.

После смерти Карла наступил период «безмолвия»: школы закрывались, светские тенденции в образовании исчезли. Культурное «безмолвие» в конце X в. сменилось так называемым «Оттоновым возрождением», имевшим локальный характер.

С развитием городов во второй половине XI в. начался период культурного подъема, возрождающий и систему образования. Помимо восстановления приходских школ в городских центрах открывались кафедральные школы при соборах. С XII—XIII вв. появились светские школы, возглавляемые учителями (магистрами). Они создавались городскими властями (муниципальные), гильдиями и корпорациями (гильдейские), частными лицами. Эти заведения ориентировались на подготовку светской администрации и не подчинялись церкви. Светская школа стала центром свободомыслия. Ее ученики принадлежали к разным слоям общества: городскому, рыцарскому, крестьянскому. Зачастую это были просто маргиналы — бродячие школяры, пересекавшие Европу из конца в конец, создававшие свою маргинальную культуру, свой фольклор, свою поэзию.

Программа была позаимствована у античности в виде ряда дисциплин, на основе которых строилось образование в позднеантичной римской школе, — так называемая *система семи античных искусств*. Данная система в дальнейшем неоднократно подвергалась рассмотрению и теоретическому обоснованию, в том числе в трудах Боэция, Исидора Севильского и др. Семь свободных искусств определили структуру школьного, а позднее и более высоких ступеней средневекового образования. В целом, хотя средневековье и восприняло римское культурное наследие, но усвоило его в настолько упрощенной и опосредованной форме, что в нем остались лишь крохи былых знаний. Как писал Ле Гофф, «это была культура цитат, избранных мест и дигест», созданная позднеантичными риторами и компиляторами.

Семь свободных искусств делились на два уровня: *тривиум* и *квадривиум*.

Тривиум включал «матерь всех наук» грамматику, которая в ту эпоху означала литературу и являлась по большей части просто чтением; риторику и логику (диалектику), учившие правильно мыслить и говорить. Грамматику изучали исключительно латинскую, и само преподавание велось на латыни (только с XIV в. вводились национальные языки). Квадривиум означал высшее знание. В него входили: арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Это науки о числах, числовых соотношениях, выражавших мировую гармонию. Математика почиталась за наивысшую из них, позволяющую приблизиться к Божественному промыслу, астрономия считалась наукой о Божественной воле — «музыкой небесных сфер». А собственно музыка и пение являли собой молитву. Будущие монахи и священнослужители обязаны были знать церковные песнопения.

Возрастное деление, особенности детской и юношеской психологии не учитывались. Восьмилетние ученики соседствовали с восемнадцатилетними. Они жили одной общиной под руководством наставника. В школе, особенно монастырской, очень строго следили за их поведением, используя розгу как главное средство воспитания. Ж.Дюби так описывает устав и порядки одной из парижских школ XIV в.: это была дисциплинированная команда, нечто вроде военного подразделения. Молодые люди имели духовное звание, были острижены и носили одеяние клириков. Им запрещалось играть и болтать. В помещении почти не было мебели: учитель восседал в кресле, а ученики сидели на соломке, в лучшем случае — на лавках.

В XIII в. сложился новый, высший тип учебного заведения. Кафедральные школы в крупных городах превратились во всеобщие школы, а затем в *университеты*. Само понятие «университет» означало корпорацию, объединение людей, имеющих определенный статус: только педагогов (магистров) или педагогов и студентов. Ранее всего подобные объединения сложились в Париже, Болонье, Оксфорде. Количество их быстро росло. Они были автономны в юридической, административной и имущественной сферах, о чем свидетельствуют привилегии, пожалованные папой, императором или королем. В университетах существовали

специальные отделения — *факультеты*. На младшем (артистическом) изучались семь свободных искусств, на старших — право, теология, медицина. Университеты получили право на присуждение ученых степеней и выдачу разрешений на преподавание (ранее эта прерогатива принадлежала исключительно церкви). Студенты этих учебных заведений, еще не подвергшихся «аристократизации», различались по своему имущественному, социальному статусу, национальной принадлежности. Последняя служила также и их консолидации, объединяя учащихся в *провинции* и *нации* (своеобразные землячества).

В XIV в. возник еще один вид образовательного учреждения — *коллегии* (позднее — коллежи, колледжи). Первоначально так назывались общежития студентов и магистров. Затем они превратились в учебные центры, где читались лекции и проводились диспуты. Один из самых знаменитых колледжей получил имя своего основателя, духовника короля Людовика Святого, — Робера де Сорбоны.

Главной формой преподавания являлась лекция магистра, кроме этого, устраивались диспуты. Их распространение в XIII в. было связано с развитием схоластики. Противники сходились в интеллектуальном поединке, обсуждая спорные проблемы. Диспуты были чрезвычайно популярны в интеллектуальной среде, на них, как в свое время на рыцарские турниры, собирались зрители и болельщики. Слава о победителях разносилась по городам Европы.

В Средние века европейское знание питалось интеллектуальными достижениями арабского мира. Мусульманская Испания, одна из самых блестящих цивилизаций Средневековья, служила на протяжении многих веков посредником между Западом и Востоком. Андалузские города Кордова, Севилья, Валенсия, Гранада славились не только своей великолепной архитектурой, но и высоким статусом учебных заведений и богатством библиотек. Сюда устремлялись за знаниями студенты из христианской Европы. Важное значение имели проводившиеся здесь исследования в области химии, физики, медицины, математики. Через арабскую Испанию в средневековую Европу пришли многие открытия, сделанные в различных регионах мира: порох, магнитная игла, механические часы, бумага, а также десятичная система счисления.

Глава 6

ЧЕЛОВЕК СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: БЫТИЕ И МЕНТАЛЬНОСТЬ

Триада смерти

Средневековый мир был беден, убог и скуден, а нравы жестоки. Большинство населения балансировало на грани выживания, жизнь была очень хрупкой. Материальная необеспеченность вызывала у человека чувство неуверенности и тревоги. Ничто не могло гарантировать благополучие завтрашнего дня: стихийные бедствия, неурожай, войны, болезни были непредсказуемы.

Так называемый биологический «старый порядок» означал равенство шансов жизни и смерти, их взаимное уравнивание. Можно отметить высокую рождаемость и высокую смертность того времени (коэффициенты рождаемости и смертности были на уровне 40%). Незначительный естественный прирост сменялся его убылью вследствие голода, болезней и войн, так называемой триады бедствий (триады смерти). Численность населения к концу Средневековья чуть превышала показатели эпохи расцвета античного мира и потому с демографической точки зрения Средние века явились простым намерстыванием. Таков лапидарный вывод из сухих цифр. Но за этими цифрами — череда бедствий, преследующих человека, смерть, неотвратимо раскрывающая свои объятия.

Голод являлся одной из страшных реалий повседневной жизни того времени. К жестоким голодовкам в масштабах стран следует добавить недороды каждые 3—5 лет. При низком техническом уровне любые климатические аномалии приводили к неурожаю, а значит, к нехватке и подорожанию продуктов, к нужде и лишениям для бедняков. Немалую роль играли и несовершенные способы хранения продуктов, их порча и уничтожение животными и насекомыми: тучи саранчи на полях (которая распространилась, например, в 873 г., от Германии до Испании) и полчища крыс в амбарах. Легенда о гамельнском крысолове-флейтисте родилась под влиянием мечты о магическом средстве борьбы с грызунами.

Вследствие отсталости техники и бессилия государственной власти недороды были просто катастрофой. В средневековом

мире не существовало ни характерных для римской античности систем заготовки и распределения продуктов, ни сети дорог и единой связи, ни централизации административной власти, позволявшей быстро оказать помощь нуждавшемуся региону. Города только начинали создавать запасы продуктов, строить склады, зерновые конторы, закупать за границей продовольствие и распределять его. Помогали борьбе с голодом монастыри и знатные светские сеньоры. Одна из хроник сохранила описание того, как граф Карл Добрый (из Фландрии) организовывал помощь населению во время голода 1125 г.

Социальная дискриминация бедствий была естественной для средневекового общества. Будучи карой за первородный грех, который можно искупить только тяжким трудом, голод являлся наказанием для «трудящихся». Его жертвами становились в первую очередь низшие слои городского населения, бедняки. Хуже всего приходилось деревне. Крестьяне в случае неурожая уходили в города просить милостыню, чтобы спастись от голода. Сотни текстов разных хроник описывают бесконечное траурное шествие голодных лет. Люди, мучимые голодом, ели глину, корни и кору деревьев, кошек и собак, подбирали падаль, были случаи каннибализма, для чего похищались дети и путники.

Постоянная угроза голода, его непредсказуемость действовали на психику человека, порождая навязчивые мысли о еде. Мечты многих поколений людей нашли свое воплощение в народном фольклоре и агиографии в виде мифов о волшебной стране Кокань, изобилующей едой, и многочисленных чудесах, творимых святыми. Большинство из них построено по одной схеме: с помощью святых появлялась пища, спасающая отчаявшихся людей. Как правило, в мифах фигурировал хлеб — в память о чуде, совершенном Иисусом Христом, и потому, что этот продукт питания являлся основным. В поэзии труверов и миннезингеров появились кулинарные темы, возник особый жанр песен о еде.

Голоду противостояла «продовольственная» роскошь, изобилие еды. Средневековое гурманство было характерной чертой феодального класса. Чревоугодие находило выражение в грубых формах чрезвычайной прожорливости, хвастовства едой. В средневековом «Романе о Лисе» пружина действия — зов пустых желудков Лиса и его товарищей. Но как только они стали

баронами, то закатили пир, на котором вволю наелись жареного мяса.

Регулярное недоедание, голодание, употребление недоброкачественной пищи подтачивали здоровье человека, снижали сопротивляемость организма. С фатальной неотвратимостью за голодом шли болезни и эпидемии, как говорили в те времена, — мор. Их распространению способствовали скученность людей и грязь в городах, отсутствие медицинской помощи. Средневековая медицина была тесно связана с христианским учением, которое постулировало, что болезнь человека является либо наказанием за грехи, либо испытанием его христианской добродетели. Убеждение в этом порождало характерную для того времени веру в целительную силу святых и их реликвий, в том числе мощей. Многие из святых считались «патронами» тех или иных болезней, как, например, Св. Антоний: его мощи излечивали от лихорадки.

Состояние медицины в то время представляло собой жалкое зрелище. Универсальными средствами — кровопусканием и очисткой желудка — лечились все мыслимые болезни. Практическая медицина была отдана на откуп цирюльникам, знахарям и колдунам. Банщики-цирюльники специализировались в области хирургии, вправляя вывихи, лечя переломы, пуская кровь и ампутируя конечности. «Добрые женщины» — ведьмы — были известны также и как опытные повивальные бабки. Знахари и колдуны, продолжая традиции народного целительства, совмещали его с магией. Именно они, владея «тайным» знанием о растительном мире, использовали его в своем врачевании. Парацельс, великий врач эпохи Возрождения, подчеркивал, что «если он научился у кого-нибудь медицине, то только у ведьм, пастухов и палачей». Очевидно, прав Ж.Мишле, утверждая, что врачевание происходило только в одном месте — в церкви, у чаши со святой водой.

Средневековый человек страдал от множества болезней. Самой страшной являлась чума. «Многоголовая гидра», «черная смерть», от которой не было спасения, — являлась бичом средневекового мира. Особенно разрушительные последствия вызывала ее легочная форма, приведшая в 1348 г. к страшной пандемии в Европе. Смертность среди заболевших достигала 90%. Чума унесла, по разным оценкам, от трети до половины населения пораженных территорий. Болезнь шла с Востока: обрушившись на

Неаполь, Марсель и Флоренцию, она докатилась до самых северных районов, распространялась волнами, отступала и возвращалась (примерно через 15 лет), свирепствуя с прежней силой. Во время эпидемий города и деревни запирались на засовы, у ворот жгли костры с ароматическими травами, на дорогах выставлялись заставы, стража и оцепления, жизнь как будто замирала.

Кроме чумы, были оспа и холера, дифтерит и скарлатина, грипп, известный в Европе, по-видимому, с XII в. Многие заболевания медики сегодня не в состоянии идентифицировать с современными или делают это с трудом: неизвестно, что представляли собой алая лихорадка, денло, колочка и т.п. Употребление вредных продуктов (спорыньи и других злаков) вызывало эпидемии лихорадки, именуемой «огненной чумой», «священным огнем». Одна из распространенных в наше время эпидемических болезней — туберкулез — был в тот период «незаметен» среди множества других инфекций (он достигнет пика в XIX в.).

Широко распространены были также кожные болезни. Прежде всего это проказа: ее страшный триумфальный «расцвет» пришелся на XII—XIII вв. Число лепрозориев в одной только Франции в 1227 г. достигало двух тысяч. Чтобы отделить больных людей от здоровых, лепрозории строились за городской чертой, у дорог, где легче собирать милостыню, а в город прокаженные могли входить только сопровождаемые шумом трещоток. Затем — гангрены, язвы, чесотка, золотуха. Согласно традиции, божественная природа власти английских и французских королей наделяла их способностью излечивать больных золотухой наложением рук. Огромное количество людей имело уродства; горбуны, хромые, слепцы с бельмами выставляли их напоказ, когда просили милостыню. Детские болезни, приводившие к высокой смертности, не обходили стороной самые богатые и знатные семьи, вплоть до королевских.

С помощью молитв и процедуры изгнания бесов лечились психические расстройства. Над людьми довлела боязнь греха, смерти, посмертного суда, вечного проклятия. «Средневековье было по преимуществу временем великих страхов и великих покаяний — коллективных, публичных и физических», — пишет Ж.Ле Гофф. Появились шествия флагеллантов, покаянные процессии; панические настроения охватывали массы людей, им являлись «видения», слышались «голоса». Однако период Развитого

(Высокого) Средневековья еще не стал временем массовых религиозных безумств, как это произойдет позднее.

Традиционализм

В традиционных культурах, к которым принадлежало и средневековое общество, жизнью управляли обычаи, традиции, передававшиеся из поколения в поколение, зафиксированные в письменных памятниках, но еще более — в устной форме. Авторитетом того времени являлась древность, прошлое. Для разрешения споров обращались к Отцам церкви, Священному Писанию, древним свиткам и свидетельствам. Важная роль принадлежала старожилам, народной мудрости, воплощенной в фольклоре, обычаям. Даже для правящей элиты статус того или иного рода, помимо славы и знатности, определялся древностью происхождения. Нововведения воспринимались с трудом, общество испытывало к ним отвращение. В ментальной установке преобладал стереотип неизменности и постоянства.

Дух перемен, новое мировосприятие, разрушающее средневековый универсум, вносили города и развивавшиеся в них товарно-денежные отношения. Но сама городская культура зачастую была склонна облекаться в оболочку традиционализма, создавая видимость неизменности, стабильности, древности тех или иных институтов и установлений, как, например, латинский язык, на котором она говорила.

Одной из основных характеристик средневекового общества был коллективизм. Общество не признавало индивидуальности. Средневековый человек не нуждался в личной свободе. Да и сам этот термин употреблялся во множественном числе — «свободы», т.е. привилегии, признанный статус. Люди того времени обязательно принадлежали к какой-либо группе, их объединяли общественные отношения: семейные, вассальные, общинные, цеховые и т.п. Идея сообщества постоянно витала в умах. Создавались всевозможные союзы, называвшиеся университетами, корпорациями, коллегиями, компаньонажами, братствами и т.п., — например, группа людей, отправлявшихся в паломничество, или сообщество проживающих совместно соседей. Коллектив направлял индивида, предписывая ему необходимый образ действий и

мыслей. Доблесть и добродетель виделись не в выявлении личных свойств и особенностей, но в соответствии образцам и требованиям группы. «Что касается всех, должно быть одобрено всеми», — гласила средневековая максима. Единомыслие и согласованность возводились в ранг идеала, а многообразие отождествлялось со злом. Одним из символов греховности земной жизни являлась Вавилонская башня, разделившая и разобщившая людское сообщество на разноязыкие племена. Поэтому же отверженным становился чужестранец: одиночка подозрителен и гоним. От него исходило зло в той же степени, в какой исходило добро от соседей. Неслучайно в это время изгнание использовалось в качестве наказания. Оторванный от привычной среды, многочисленных уз солидарности, опутывавших его, изгнанник превращался в изгоя.

Искусство и литература не создавали портретов — сама идея об этом на протяжении многих веков была чужда средневековому духу. Человек лишался личных качеств, он предстал лишь как тип: крестьянин — безобразен и звероподобен, а благородные сеньоры имеют золотистые или русые кудрявые волосы, голубые глаза (очевидно, этот канон сложился под влиянием норманнских завоеваний). Пожалуй, только искусство готики обратилось к земным реалиям: людям, цветам, растениям.

Самые страшные пороки того времени — предательство, гордыня, зависть. Предатель — это вассал, изменивший клятве, он отождествлялся с Иудой, предавшим своего учителя. Но предательство не являлось только сеньориальным грехом, а распространялось и на другие слои общества. Клятва, приносимая бюргерами, устанавливала между ними отношения верности, а причинивший вред общине клятвopреступник изгонялся из нее. Истинно феодальным грехом считалась гордыня; заботясь о славе и престиже, рыцари без устали соперничали на поле боя и турнирах, кровно мстили. Гордыня была «матерью всех пороков», воспринимаясь как раздутый индивидуализм, стремление возвыситься над окружением. Каждый человек был приставлен к определенному месту и делу, принадлежал к своему сословию и должен был довольствоваться тем, что имеет. Поэтому завидовать положению, состоянию, богатству другого — величайший грех, посягательство на божественные установления. Конечно, этот

порок был присущ в первую очередь крестьянской бедноте. В бунтах и восстаниях они стремились встать вровень с господами. Обвинение в зависти неизменно выносилось всем вождям народных восстаний, будь то братья Артевельде или Этьен Марсель

Если гордыня клеймилась, то противоположные свойства — униженность и смирение — были уважаемы эпохой. Выдающиеся интеллектуалы охотно прибегали к так называемой «формуле смирения», сетуя на свое «невежество», в частности, говоря о своей «неотесанной», «мужицкой» латыни, сознательно отказываясь от того запаса античной культуры, которым они обладали. И это неслучайно. Варваризация культурного наследия неизбежна в первую очередь ради его сохранения. Необходимо было опроститься, чтобы быть услышанным и понятым. Цезарий Арелятский смиренно просит, «чтобы слух ученых людей снес без жалоб деревенские выражения, к коим я прибегнул, дабы вся паства Господа могла бы воспринять на простом и заземленном языке духовную пищу». Ученые люди снисходили до «простецов», выполняя свой долг просвещать невежественных, но повторяли при этом, что учениками Иисуса были рыбаки и пахари, и мнили себя духовными наследниками апостолов. Воистину — «унижение паче гордости»!

Ментальность

Для средневекового мышления был характерен не только примитивный реализм, но и метафоризм, символизм и аллегоричность. Видимый мир профанен, задача мысли — проникнуть в скрытое, священное пространство. Символизм мышления был универсален: это относилось как к литературе, искусству и религии, так и к повседневной жизни. Будучи более примитивным, чем казуальный, символический тип мышления создал необычайно богатую систему, где любой предмет и его свойства могли иметь более высокий смысл, проецировать земной мир на небесный, устанавливать их взаимосвязи. Символизм мог наделять обыденные вещи высоким этическим или эстетическим смыслом, при котором, например, алые и белые розы, цветущие в окружении шипов, уподоблялись девам и мученикам, сияющим красотой в окружении преследователей (И.Хейзинга).

Символика того времени оперировала не идеями, а образами, прибегала к персонализации. Месяцы обозначали апостолов, времена года — евангелистов, а год — самого Христа. Добродетели и события превращались в аллегорические персонажи: так, в северогерманских городах в церкви на хорах подвешивали куклу, называвшуюся Постом. По окончании поста веревку перерезали прямо во время мессы, и кукла падала.

Символика начиналась на уровне слов: для неразвитого ума именование вещи означало ее объяснение. Более того, язык служил магическим ключом к овладению реальностью. Назвать вещь или явление означало подчинить их себе. Так поставленный диагноз уже нес в себе исцеление. Это была метафизическая процедура «покорения» враждебного мира, хранящего мириады символов. В этой магической игре участвовали самые разные элементы, минералы, растения, животные. Например, яблоко символизировало зло, козел — сластолюбие, а единорог — чистоту и силу. Среди камней особенно выделялись драгоценные, среди растений — упомянутые в Библии. Составлялись *бестиарии*, *флорарии*, *лапидарии* — особые виды средневековой литературы.

Большую тягу средневековый ум испытывал к числам, в которых склонен был видеть «не меру счета, а проявление царящей в мире божественной гармонии, магическое средство». Магия чисел была огромна, а смысл многозначен. Число «три» — Святая Троица, символ духовного, а «четыре» — материального мира; «четверка» означала четырех евангелистов, четыре стороны света, четыре конца креста, четыре реки в раю, четыре ветра, четыре стихии. Она воплощала целостность мира — по этой причине монастырская галерея имеет форму квадрата. Скрытым значением исполнены были как сами числа, так и их соотношения: $7 > 6$ означало отдых после трудов, а $8 > 7$ — вечность после земной жизни. Магическая символика воплощалась в архитектуре храмов: круг и крест являлись образами совершенства, несли в себе вселенную (базилики), а восьмиугольник олицетворял вечность (капелла в Аахене, Сан-Витале в Равенне). Нумерология была широко распространена в романскую эпоху. Главными авторитетами в этой сфере считались монахи цистерцианцы и викторианцы.

Средневековый человек особенно ценил яркий цвет, свет и блеск. Свет давал ему ощущение безопасности и уверенности,

тьма таила угрозу. В XII в. средневековое общество открыло для себя новую ценность в духовном и материальном мире, восприняв и осмыслив свою естественную потребность в свете как в высшей сакральности. Готика распахнула храмы навстречу потокам ликующего света, навстречу небесам. «Бог — это свет», — неустанно повторяли теологи. Все, что связано со светом, привлекало внимание, вызывало доверие, ассоциировалось с красотой. Подобная «средневековая метафизика света» — одна из характерных примет того времени.

Люди испытывали благоговение перед красками и яркими цветами, блеском золота и серебра, драгоценных камней. В драгоценностях более всего ценился сам материал, но отнюдь не труд художника. Труд в то время был бесценен (к сожалению, в прямом, а не в переносном смысле): вещи из драгоценных металлов могли быть расплавлены, перелиты без долгих размышлений.

Средневековый мир жаждал чуда, искал его и находил. Чудо определяло святость (необходимое доказательство, но отнюдь не достаточное — враг человечества также мог творить чудеса). Чудо могло произойти в жизни любого человека и служило одним из главных способов доказательства истины. На этом был построен средневековый Божий суд с его принципом «Бог на стороне правого» — *ордалии*. Испытания, в ходе которых устанавливалась судебная истина, широко использовали в качестве процессуальной формы. Они включали в себя судебные поединки, жребий, присягу, испытания водой и огнем. И здесь уже спасения не было, невиновному оставалось надеяться только на чудо.

Жестуальность

Раннесредневековая варваризация положила конец одной из самых характерных традиций античности — ораторскому искусству. В суровом Средневековье красоты слога оставались непонятными и не востребованными. Говорить было негде и не перед кем. Все решало не слово, а действие. Средневековая культура — это публичное действие, это жест. На нем основан ритуал, он значим не менее, чем письменный документ последующих эпох. Клятвы и договоры, оммаж, посвящение, инвеститура сопровождалась символическими жестами. Жест обозначал и позицию рыцаря, будь то

брошенная в знак вызова перчатка, поднятое или опущенное забрало шлема. Жест — центр религиозных ритуалов: крестное знамение, благословение с возложением рук, воскурение (в молитве руки сложены, воздеты, скрещены). Даже песни о «героических деяниях» назывались «шансон-де-жест» или просто «жесты».

В жестикуляции Средневековья главная роль принадлежала телу. В отношении к миру человек исходил из своего естества: для измерения он использовал длину стопы, локтя, считал на пальцах, мерил расстояние дневным путем (поле — дневной обработкой). Восприятие тела было двойственным. Оно манило и отвращало одновременно. Христианство дискредитировало плоть, требуя ее беспрестанного смирения. Нагота стала греховой и запретной, она ассоциировалась с бесстыдством пьяного Ноя, с первородным грехом Адама и Евы. Гигиена и уход за собой представлялись далеко не невинной роскошью. В монастырских уставах регламентировалось число разрешенных приёмов ванн и туалетных процедур. Например, монахи Клуни принимали ванну два раза в год: перед Рождеством и перед Пасхой, а мыли ноги только по субботам. Крещение — вот «мытьё», которое отмывало верующего христианина (у отшельников грязь олицетворяла собой добродетель). Но одновременно тело служило и объектом почитания. Тела умерших правителей подвергались особой обработке: их бальзамировали, а если перевозили на дальние расстояния, то вынимали внутренности — именно так поступил Карл Великий с телами погибших баронов: «в парчовый плащ сердца их завернули и положили в белый саркофаг, омыв вином и перечным настоем». Тело святого могли расчленить и похоронить в разных местах. Ведь в будущем религия обещала христианам воскресение плоти.

Среди разных слоев: рыцарей, горожан, простолюдинов — был распространен в то время культ физической красоты. Телесная красота требовалась даже от святых, поднимая их авторитет. Так, в Южной Италии Фому Аквинского звали «сицилийский бык», и народ сбегался поглядеть на его величественную фигуру. В это восхищение телесным естеством нищенствующие ордены внесли новую ноту: святость отныне не зависела от эстетического впечатления — сам Св. Франциск (Ассизский) был тщедушен и мал ростом.

Глава 7

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОСМОСЫ

Пространство

Макрокосм — вселенная, имеющая две главные характеристики — пространство и время. Все космосы — суть божественные творения, управляемые едиными законами. Большой космос (Вселенная), как и малый (человек), состоит из четырех стихий: земли, воды, воздуха и огня. У человека это, соответственно, плоть, кровь, дыхание, тепло. Земля представлялась центром Вселенной, неподвижным шаром, окруженным совокупностью концентрических сфер. Различные теологические концепции и отдельные авторитеты расходились лишь во мнениях о количестве и природе этих сфер. Их насчитывали от 3 (три неба имеются, например, в «Светильнике» Гонория Августодонского) до 7 (Беда Достопочтенный) или даже до 55—57 (христианская модификация схемы Аристотеля, к которой прибавлена сфера «перводвигателя» и непостижная энергия, где обитают святые). С XIII в. начала внедряться Птолемеевская система движения планет.

Хотя Средневековая география восприняла от античной понятия Европы, Азии и Африки, ее представления были не менее фантастичны, чем космогония. Сведения о материках давали «монастырские карты Т-О типа», на которых земля представала в виде окружности, разделенной тау-крестом. Верхний полукруг — Азия, левый сегмент — Европа, правый — Африка, а в центре располагался Иерусалим, считавшийся «пупом земли». Данная конфигурация представляла собой теологическую схему, так как символизировала положение распятого Христа, обращенного к христианскому северо-западу, т.е. к Европе. На высокой горе Эдем по средневековым представлениям находился рай. Оттуда же брали начало четыре библейские реки: Тигр, Евфрат, Фисон и Геон (последние отождествлялись с Гангом и Нилом). Поскольку географии европейцы не знали, то течение этих рек свободно «поворачивали» в необходимую им сторону.

Легенды рисовали экзотические края как средоточие чудес, изобилия и богатства: золота, драгоценных камней, пряностей. Жуанвиль в рассказе о седьмом крестовом походе описывал, как жители Египта вылавливали из Нила имбирь и корицу (эти пряности река приносила из земного рая, где ветер сдувал их с райских деревьев). Воображение европейцев распалялось мечтами об иной жизни, не похожей на их бедный, голодный мир, полный церковных запретов и жестких ограничений. Особенно шокировали их слухи о каннибализме, нудизме, полигамии, сексуальной свободе тамошних обитателей. Дальние земли были будто бы населены сказочными людьми и животными: там жили одноногие *сциаподы*, *кинокефалы* — люди с песьими головами, а также совсем без головы; глаза у них располагались на груди. Там обитали единорог и феникс, синий тигр и *благоуханная пантера*. Эти легенды так укоренились в сознании европейцев, что во время чрезвычайно редких и опасных путешествий они все же «находили» эти чудеса (о чем свидетельствует, например, описание путешествия Марко Поло.)

Пространство не являлось этически нейтральным, оно получало положительную или отрицательную оценку в зависимости от религиозных ориентиров. Азия и Африка представлялись воплощением дьявольских сил — язычества, магометанства, царством всеобщей греховности и порока. Европа не была единой, так как в Испании жили мусульмане — арабы, а на севере и востоке — язычники. И все же христианство объединяло Европу, а христианское сообщество было главной, а может быть, единственной данностью мира.

Принадлежность к средневековому европейскому обществу определялась по религиозному признаку: религия служила основным критерием социального размежевания на «своих» и «чужих», подобно древнему тотему на заре цивилизации. Иноверцы исключались из общего права, традиций и установлений. Этот принцип был определен однозначно и действовал весьма жестко. Его можно обозначить как религиозный шовинизм или религиозный расизм. Терминологическая жесткость оправдана, так как племена и народы, а тем более отдельные люди, не принадлежавшие к христианскому вероисповеданию, не считались полноценными. Так, начиная с Карла Великого, в отношении языческих

племен была распространена практика насильственной христианизации. Далее она продолжена «огнем и мечом» германской экспансии на европейский Восток. Славянский языческий мир долгое время служил резервуаром, из которого «черпались» рабы для средневековой работоторговли: через Европу их поставляли в страны ислама.

Самым сложным, двойственным было отношение к восточным христианам: «брат мой — враг мой». Византиец считался раскольником, вероотступником, а с 1054 г., времени окончательного разделения конфессий, — еретиком. Долгое время христианский Запад и Восток шли разными путями. Непонимание и неприязнь переросли постепенно в более сильные чувства. Бедный, воинственный, невежественный Запад завидовал богатству и роскоши Византии, обвиняя восточных соседей в изнеженности, трусости и манерности. Нельзя сказать, что Запад завидовал восточной учености и культуре, так как едва ли понимал ее: слишком глубока была пропасть между двумя мирами, слишком разными были языки, на которых они говорили. Как мог лангобард постичь страшное оскорбление базилики Никифора, бросившего в лицо епископу Кремонскому Лиутпранду: «Вы не римляне, вы лангобарды!»? Как могли рыцари понять величие церемониала этой цивилизации, осмыслить светскую учтивость, соображения государственной пользы, — знающие лишь одну добродетель — вассальную верность?

Подспудно ощущаемое чувство неполноценности постепенно превращалось в ненависть. Византийцы отвечали на нее презрением. Столкнувшись лицом к лицу во время первого крестового похода, византийцы восприняли крестоносцев как грубых, алчных, невежественных варваров. Византия не разделяла идею священной войны, живя отнюдь не военным промыслом, а торговлей. Наконец накопившаяся ненависть, зависть и злоба привели к кровавому эпилогу: Константинополь был захвачен и разграблен участниками четвертого крестового похода (1204). Им достались сказочные богатства. По свидетельству одной из хроник, «никогда еще с сотворения мира ни в одном городе не была взята подобная добыча». А для тех рыцарей, кто еще мог испытывать стыд от безжалостной резни братьев, был припасен убедительный довод, что «греки вовсе не были христианами, и убивать

их — это меньше, чем ничто». Воистину, «сами сарацины более добры и сострадательны», как писал о крестоносцах византиец Никита Хониат.

В отношении мусульман все было еще проще и определеннее. Они — враги, «племя неверных, не достойных звания людей, гнусных рабов дьявола», — так провозгласил папа Урбан II в Клермоне, иницируя первый крестовый поход. Борьба с неверными стала навязчивой идеей, рыцарским идеалом. Впрочем, как с Византией, так и с исламским миром не только враждовали, но и торговали, у него учились.

Средневековое население было на редкость мобильным. Собственности как таковой не существовало, скромные пожитки могли уместиться в котомке, а драгоценности и монеты — в ларце или кошельке. Странствуя, рыцари завоевывали себе феоды или искали выгодную службу у могущественных суверенов. Бродяжничали студенты и школяры, мигрировали крестьяне, путешествовали клирики, брели по дорогам паломники. Так продолжалось вплоть до XIV в., начиная с которого это «броуновское движение» постепенно затихало, поскольку странник с этого времени рассматривался как вредная и опасная личность.

Время

Широкую известность получило определение М.Блока, характеризующее отношение средневекового человека ко времени, — полное безразличие, индифферентность. Время принадлежит Богу, оно создано божественной волей, и человек не может им распоряжаться по своему усмотрению. Время было «бесценным», т.е. не представляло ценности в современном понимании, когда человек живет по часам, включенный в жесткий ритм быстротекущих будней. Осознание ценности времени, отражающее лозунг буржуазного мира «время — деньги», придет гораздо позднее вместе с развитием и укреплением новых, буржуазных отношений. С нашей точки зрения, время той эпохи использовалось совершенно непроизводительно, растрчивалось попусту — на долгие бесполезные путешествия, длительные церемонии, моления, ритуалы и т.д. Человек жил в неспешном ритме природного цикла — смене времен года, чередовании дня и ночи.

Более или менее точного измерения времени в Средние века не существовало. Те успехи, которых достигла в этом античность, канули в Лету вместе с исчезновением античного общества. Искусство строить солнечные и водяные часы сохранилось в Византии и арабском мире, в средневековой же Европе это являлось редкостью, раритетом, принадлежавшим монастырскому или дворцовому обиходу. Например, в Клунийском аббатстве время отсчитывали *кленсидрой* со звоном. Конечно, существовали собственные методы вычисления даты и часа, был и некоторый инструментарий, хотя во многом рудиментарный и примитивный. Например, время (особенно ночное) исчислялось по длине свеч, а короткие промежутки могли определяться по чтению молитв.

Временные структуры в значительной степени опосредовались социальными отношениями. Мера времени, подобно мерам емкости, веса была в большей степени достоянием «господствующих кругов, служила орудием подчинения. Формами социального времени являлось крестьянское, сеньориальное и церковное. Крестьянское — природное время — определялось годичным циклом сельскохозяйственных работ. В аграрном обществе, само существование которого целиком и полностью зависело от результатов земледельческого труда, оно служило основой хронологии. Его широкое распространение и всеобщее признание отразилось в одной из самых популярных тем этой эпохи — теме двенадцати месяцев. Их изображения находились повсюду: от миниатюр в часословах до церковных барельефов, и почти везде названия месяцев аллегорически были связаны с крестьянским трудом или с соответствующими бытовыми сюжетами.

Повседневный отсчет времени был ориентирован на природные контрасты, противопоставления дня и ночи, зимы и лета, которые магически ассоциировались со светом и тьмой, с добром и злом. Так как искусственный свет был редкостью, ночь почти всегда была темна и таила в себе всевозможные реальные и мнимые угрозы. День же, наоборот, нес солнечный свет, олицетворяя добро и радость. Подобным образом противостояли лето и зима. Интересно, что в Средние века знали не четыре, а только два времени года. Весна поглощается летом, а осень — зимой. Само слово «весна» появляется в поэзии вагантов, ассоциируясь с началом летнего расцвета, приходящегося на месяц май.

Сеньориальное время — военное и феодальное. Так как рыцарские войска были конными, то военные действия велись преимущественно летом, когда лошадей можно было обеспечить подножным кормом. По мере формирования феодальной кавалерии сроки военных сборов сдвигались на более позднее время. Так, «мартовские поля» франков превратились в майские рыцарские сборы. Вассалы обязаны были нести службу в течение лета — так называемая «летняя служба». Военная «страда» длилась около трех месяцев, осенью феодальное войско распускалось. После сбора урожая наступала очередь выплаты крестьянских податей. Как правило, основные платежи и расчеты с сеньором были приурочены к каким-либо праздникам. Среди дат наиболее известными были День Св. Михаила (29 сентября), День Св. Мартина (11 ноября).

Важную роль играло церковное время. Только церковнослужители умели измерять время, отсчитывать его годовой, недельный и суточный ход, руководствуясь при этом потребностями литургической службы. Литургический год связывал временной канвой важнейшие события из жизни Христа и его учеников, а также дни поминовения святых. Знаменательные даты христианского календаря становились для всего населения важными вехами: к ним приурочивали определенные ритуалы, сопровождавшиеся пышными церемониями; они регламентировали жизнь широких масс, будь то дни поста, либо выходные дни, свободные от работы. Особенно торжественно отмечали великие праздники: Рождество Христово, Пасху, Вознесение, Троицу, День Всех Святых.

Литургический и календарный годы не совпадали: календарный мог начинаться с Рождества, Пасхи, Благовещения. Даты обозначались на римский манер через календы, иды и ноны. Примечательно, что литургический год был, в свою очередь, связан с природным ритмом, циклом сельскохозяйственных работ. В наиболее напряженный период крестьянской страды, т.е. летом, и в первой половине осени практически не было больших церковных праздников (с этой же целью в Средние века перенесли празднование Дня Всех Святых с 13 мая на 1 ноября).

Помимо годичного цикла церковь отсчитывала суточное время: сутки делились на приблизительно равные временные отрезки,

соответствовавшие определенным этапам суточного круга богослужения. Пользовались старыми римскими часами, несколько модернизированными. Каждый интервал включал в себя примерно три современных часа, а всего их было шесть. Как правило, сутки начинались с утра (полночь), затем шли хвалины (3 часа), час первый (6 часов), час третий (9 часов), час шестой (полдень, 12 часов), час девятый (15 часов), вечерня (18 часов), повечерие (21 час). Церковь как бы материализовывала время, отбивая его колокольным звоном. Она практически монополизировала его, так как все население определяло время именно по звону церковного колокола. Тем самым духовенство задавало суточный ритм, определенный распорядок труда, привязывая его к службам.

Суточное и годовое измерение церковного времени совпадает с природным в одном — они цикличны. Как день сменяет ночь, а после зимы приходит лето, так ежегодно повторяются в литургии все события священной истории: рождение Христа, его распятие и воскресение. Цикличность времени, его вечный круговорот отразился в популярном сюжете Средневековья о колесе Фортуны. Те, кто был сегодня унижен, завтра вознесутся на вершину, а сильные мира сего будут вскоре низвергнуты. Как выражение неуверенности в грядущем дне, изменчивости счастья, этот символ был чрезвычайно популярен, о чем свидетельствует широкое распространение его художественной идеогаммы — готической розы средневековых соборов.

Цикличность не исчерпывала всего богатства средневекового представления о времени. Более высокое, «ученое» время клириков развертывалось линейно. Это история рода человеческого, вплетаемая в событийную канву священной истории. Они имели единый вектор движения — из прошлого в будущее, единое начало и конец. Начало — это божественное; сотворение мира, Адам и Ева; далее — эпизоды библейской истории, плавно перетекавшие в средневековую хронику. Правда, под естественной историей соответственно понимали все тот же «шестиднев» божественного творения. Наконец, мирская, человеческая история имела свое подлинное и непреложное окончание — Страшный суд. Христианская хронология разделяла линейность времени на полярные отрезки: до и после рождения Иисуса Христа. От этого

кардинального события разнонаправленно менялась судьба всех когда-либо существовавших людей: поголовная гибель язычников сменялась спасением христиан, обещанное искупительной жертвой Христа. Мирская история мыслилась как передача власти (в основном с Востока на Запад: «свет идет с Востока»), а также как постепенная деградация человечества. Линейное время находилось в оппозиции к важнейшему понятию средневекового общества — вечности, которая существовала до сотворения мира; она была в начале времен, и она же пребудет после его конца. Противопоставление «вечность — время» лишь способствовало умалению самого понятия времени так же, как и повседневной жизни каждого отдельного человека. Все мирское принадлежало времени, оно — преходяще, оно — суета сует и достойно презрения, о чем было написано немало литературных и теологических сочинений.

Время, понимаемое в линейном движении, т.е. прошлое, настоящее и будущее, не было дифференцировано в массовом сознании. Исторические эпохи путались, сливались и менялись местами, чему способствовали повторяемые из года в год инсценировки Священного Писания. Христианская литургия, однако же, требовала чрезвычайно скрупулезной датировки событий (конечно, важных с точки зрения христианского учения). Например, образованные христиане могли без запинки ответить на «сложные» для современного человека вопросы: сколько времени Адам и Ева пребывали в раю? — семь часов; сколько часов пребывал Иисус в смерти? — сорок, и т.д.

Линейное, или цикличное, патриархальное средневековое время постепенно уходило в прошлое вместе с примитивными способами его отсчета. С ростом городов, развитием ремесел, зарождением буржуазных отношений формировался новый взгляд, назревала все более насущная потребность в точном хронометраже. Купцы, ремесленники, организаторы первых мануфактур начали осознавать время как принадлежащую им ценность: все шире распространялись кредитные операции, ссуда денег, ранее запрещенная, возникла практика удлинения рабочего дня, работы при искусственном освещении. В XIII в. начало рабочего дня возвещалось в городах либо звуком трубы стражников, либо звоном рабочего колокола (в ремесленных центрах). Начиная с XIV в.,

получили распространение башенные часы с боем, сооружаемые на светских городских зданиях. Время сделалось дискретным, стало дробиться на равные промежутки. Первые механические часы имели одну стрелку — часовую: они показывали в суточном цикле только часы. Конечно, они были примитивны, ненадежны, часто выходили из строя. Но начало было положено. Нарождающаяся буржуазия несла с собой новый взгляд на окружающий мир, в том числе и на время. Пусть в XIV в. это не проявилось со всей очевидностью, но механические часы уже подорвали средневековую церковную монополию — они начали отсчет времени новой исторической эпохи.

«Возрасты жизни»

По средневековым представлениям, человек как микрокосм проходил в своем развитии те же периоды, что и окружающая его Вселенная, макрокосм. Этих периодов было шесть, и они уподоблены шести дням творения. «Возрасты жизни» включали в себя детство, отрочество, юность, зрелость, старость и дряхлость. С современной точки зрения они смещены по времени, так как само общество было демографически молодым. Средняя продолжительность жизни была невелика: согласно крайне приблизительным оценкам, она составляла примерно 45 лет для мужчин и 35 лет — для женщин (соотношение, обратное современной тенденции, по которой женщины в развитых странах живут дольше мужчин).

Жизнь была коротка и непредсказуема. Богатые и знатные жили дольше, так как они лучше питались и не были измождены физическим трудом. Люди низших слоев переносили все превратности судьбы, становясь главными жертвами голода, болезней, войн. Невысокая продолжительность жизни привела к быстрому социальному созреванию индивида. Даже духовенство, возглавлялось зачастую молодыми иерархами, такими, как Иоанн XII, занявший папский престол в 18 лет (X в.). На этом фоне почтенным зрелым мужем выглядит папа Иннокентий III (XII в.), который не достиг и 40 лет.

Рождаемость в Средние века была высокой. Религия запрещала любые противозачаточные средства и всяческие попытки избавиться от плода, сурово наказывая за это, так как любое препятствие зачатию считалось убийством. Несмотря на высокую рождаемость, вырастить удавалось немногих, — так велика была младенческая и детская смертность. Это бедствие не миновало самые знатные фамилии, например, королевские, о чем свидетельствовали королевские усыпальницы, где было похоронено много новорожденных и маленьких детей. Конечно, урожай, который собирала смерть у бедняков, был обильнее. В большинстве семей выживали от одного до трех детей.

Средневековое детство длилось до 7 лет. Вскоре после рождения ребенка крестили, чтобы через это таинство он мог войти в сообщество христиан. Обряд совершался путем погружения в воду: в Раннем Средневековье — в естественные водоемы, позднее — в особых крестильнях, *бантистериях*. Специальной системы воспитания не существовало: младенца из знатной семьи отдавали нянькам и кормилицам, а у крестьян и ремесленников за ним присматривала мать, работая дома или в поле, либо старшие братья и сестры. Как только ребенок достигал возраста, когда ему можно было поручать какую-либо работу, его приставляли к делу. С 7 лет труд становился обязательным, и наступало отрочество. В этом возрасте детей передавали, как правило, в чужие семьи. Сын рыцаря становился пажом в доме сеньора, сын ремесленника — учеником у мастера. Их также отправляли в монастырские и приходские школы. Только крестьянские дети оставались дома, в тяжелом труде постигая науку крестьянской жизни. Начиная с 14—15 лет (девочки даже с 12 лет), подросток считался самостоятельным (совершеннолетним) и мог вступать в брак.

Юноша продолжал учебу, приобретая профессиональные навыки в соответствии со своим сословным положением. Сын рыцаря превращался в дамуазо, а сын ремесленника — в подмастерье (дети горожан, мелких рыцарей и богатых крестьян были также школярами, послушниками в монастырях). Юность воспринималась как особая возрастная группа, отделенная от зрелости различными церемониями и испытаниями, истоки которых были в древних обрядах инициации. Так, в рыцарской среде дамуазо посвящали в рыцари, подмастерье сдавал экзамен и

изготавливал шедевр, послушник проходил пострижение в монахи. Инициации совершались в различных профессиональных группах: посвящение в студенты, в корпорацию судебных клерков и др.

Вступление во взрослую жизнь было связано не только с получением социального (имущественного) статуса. Общество требовало от своих членов послушания, умеренности, разумной трезвости, обязательного подчинения законам и нормам своей социальной группы. Каждый был приставлен Божественным провидением к своему месту и должен был честно следовать своему предназначению, утверждал Бертольд Регенбургский (XIII в.).

Старость наступала рано: 40—50-летний человек воспринимался как старик. В средневековом обществе человек ценился в пору расцвета своей физической силы, а его накопленный опыт, состояние, титул заставляли считаться с ним. Геронтократии — реальной власти, получаемой на основе высокого возрастного ценза, — в Средневековье не существовало. Более того, старики зачастую становились обременительными для своих семей, так как, теряя трудоспособность, они нуждались в уходе и содержании. Неблагодарность детей по отношению к родителям служила излюбленным сюжетом проповеди. Это явление было распространено и в рыцарской среде. Молодые сеньоры отказывались повиноваться своим отцам, иногда выступая против них с оружием в руках. Чтобы сохранить для потомков пример такой феодальной усобицы, английский король Генрих II приказал изобразить себя в виде орла, атакуемого своими птенцами. В целом, однако, средневековое общество не знало межгенерационных конфликтов.

Среди «возрастов жизни» особо выделялись два: они имели не абстрактный, понятийный, придуманный клириками характер, а выражали саму средневековую реальность. Это детство и юность. Первый «возраст» интересен странным отсутствием упоминаний где-либо о своих представителях: детство есть, а вот детей как будто бы и нет. Некая мистика, подобная улыбке уже исчезнувшего Чеширского кота. А были ли дети на средневековом Западе? — задают риторический вопрос медиевисты. Если пытаться дать на него ответ, используя материалы произведений искусства, литературы, проповедей священников, то следует ответить

отрицательно. Официальная культура игнорирует их существование. Даже ангелы вплоть до XIII в. изображались только взрослыми, зачастую бородастыми мужчинами, а не милыми пухлыми младенцами.

Цивилизация Средневековья — «цивилизация взрослых» (Ф.Арес). О детях мало заботились, они не были цементирующим элементом семьи, к их смерти относились спокойно. Это время было лишено особой теплоты, внимания к детству, оно воспринималось как период неполноценности, несамостоятельности, недоразвитости, а сам маленький человек — как носитель этих негативных качеств: дурак, бесстыдник, урод. Ребенок был предоставлен сам себе: прагматичное Средневековье не относилось с умилением к детству. И только с ростом городов дети появлялись на городских улицах и в школах, завоевывали самостоятельность. Детство приобрело права гражданства лишь с развитием бюргерства в эпоху Возрождения и Нового времени.

Второй особенный «возраст» — юность. В преддверии будущей инициации молодые люди пользовались исключительными правами на разгульную жизнь, игру, бродяжничество, попрание тех жизненных норм, которые были признаны и узаконены обществом. Юность связывалась с представлениями о могучей силе природной стихии, о кипении и бурлении весеннего половодья. В сельских хтонических культах деревенская молодежь, с одной стороны, своим участием обеспечивала благополучие природного цикла, а с другой — постигала необходимые для будущей жизни обряды. Как буйно расцветает весной природа, так бушуют чувства в юности, подвластные молодому кипению крови. Клирики, школяры, подмастерья с их особым образом жизни создавали собственную культуру, точнее — субкультуру, анормативную и асоциальную, которая принципиально не поддавалась упорядочению и регламентации. После этого периода они должны были отказаться от эмоционально-разгульного образа жизни, беззаботности, приняв на себя определенные обязательства. Вступление во взрослую жизнь знаменовало собой переход к трезвому сознательному поведению, присущему зрелому возрасту.

Глава 8

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ

Крушение Римской империи стало завершающим этапом того количественного и качественного упадка, который наметился в поздней античности. Разрушались постройки, дороги, сложные технические сооружения, храмы и памятники. Гибли сельскохозяйственные культуры, опустошались сады, поля и виноградники, угонялся скот, уничтожались системы орошения. В ходе варварских нашествий эпохи Великого переселения народов города были относительно легкой и наиболее ценной добычей победителей. Социальные структуры распадались, политические, общественные, культурные связи рвались, наступил период социальной анархии и дезинтеграции. Быстро сокращалось народонаселение: люди гибли в военных столкновениях, становились жертвами грабежей и бесчинств, бежали из городов в сельскую местность. «В развалинах больших городов одни лишь разрозненные кучки населения, свидетели былых бедствий, сохраняют для нас прежние их названия», — писал Орозий в V в.

Терялись знания, профессиональное мастерство в разных сферах производства и быта: исчезло высокоразвитое стекольное производство на Рейне; гончарная керамика заменилась лепной; камень, который не умели обрабатывать, уступил место дереву. Самые богатые «каменоломни» того времени — римские дороги, руины античных сооружений, где брали камень для построек. Варварский мир своеобразным способом «перерабатывал» античное наследие.

Аграризация и натурализация экономики, разрушение хозяйственных связей создали новую модель раннесредневекового общества: маленькие замкнутые мирки людей, существующие среди девственной природы. Люди, живущие на лесных прогалинах, — это европейская цивилизация, отвоевавшая маленькие оазисы посреди лесной пустыни, — именно так описывает реальность средневекового мира М.Блок. Лес кормил человека, обогревал его, доставлял ему строительный материал. Собирательство, охота, рыбная ловля, всевозможные промыслы, связанные с лесом, были так же естественны для средневекового крестьянина, как и

обработка земли, разведение скота. Продукты сельского хозяйства, а также примитивные изделия домашнего ремесла полностью удовлетворяли потребности крестьянской семьи.

Натуральное хозяйство свело обмен к минимуму. Торговля пребывала в самом жалком состоянии, денежного обращения практически не существовало. Монетных дворов было много, но деньги, по замечанию М.Блока, «мало циркулировали», в основном они символизировали верховную власть. Золотые монеты в Западной Европе (за исключением арабской Испании) больше не выпускались. В натуральном хозяйстве деньги практически не требовались. Потребности сеньоров удовлетворялись продуктами, получаемыми с господской вотчины и крестьянского надела. Правда, феодалы и церковь имели некоторое количество денег на приобретение предметов роскоши, предлагаемых левантийской торговлей: византийских тканей, пряностей, драгоценностей. Их значение, однако, было невелико.

Быт сеньоров по своему материальному выражению отличался от крестьянского количеством, а не качеством. Господа носили домотканое платье, питались продуктами, поставляемыми сельской округой, в замках было мало мебели и удобств. Быт опрощался, огрублялся, как и сфера производства. Западный мир на долгие столетия погрузился в варварство.

Помимо регресса, вызванного варварскими нашествиями, натурализацией и аграризацией экономики в материальной бедности были повинны также социальные структуры и ментальные установки. Мерой всему в Средние века являлась земля. Господствующий класс владел землей, измерял ею свое социальное положение, и потому богатство определялось ее количеством. Аграрное общество было патриархальным, в его жизни огромную роль играли традиции, естественность природного цикла. Консерватизм, отрицание и отвращение к «новшествам» порождали ярко выраженную антитехническую ориентацию населения. Нововведения считались грехом. Стабильность и устойчивость (техническая и социальная) провозглашались идеалом. В течение многих столетий, вплоть до XII—XIII вв., не было написано практически никаких трактатов по технике, ремеслу, агрономии. Очевидно, эти темы не казались достойными внимания средневековых интеллектуалов.

Эту установку не менял и тот факт, что правящий класс в отдельных случаях содействовал техническому прогрессу. Для светской аристократии чрезвычайно важно было иметь высококачественное оружие, и поэтому рыцари, заинтересованные в совершенствовании доспехов и оружия, способствовали развитию металлургии и баллистики. Господствующему классу выгодно было поощрять мастеров золотых дел, делающих ювелирные изделия и украшения. С другой стороны, выдающуюся роль в развитии многих ремесел, книжного дела, селекции хозяйственных культур и пород скота сыграло духовное сословие, особенно монашеские ордены. Принципом монашеской жизни был разрыв связей с внешним миром, замкнутость в своем коллективном отшельничестве. Поэтому монастыри обязаны были самостоятельно производить все необходимое для собственного потребления. В то же время монахам нужно было освободиться от забот о хлебе насущном для богослужений, различных богоугодных занятий. Зачастую именно монашеские общины выступали инициаторами в использовании технических новшеств, например, постройке водяных или ветряных мельниц, новых приемов в сельском хозяйстве. Церковь была особенно заинтересована в развитии архитектуры и искусств для строительства храмов, их украшения росписью, скульптурой, витражами. Новые социальные слои и профессиональные группы выступали инициаторами прогресса в определенных профессиональных сферах. Купечество и торговые дома были заинтересованы в совершенствовании кредитных операций, бухгалтерского учета и пр.

Отдельные прорывы не меняли общей картины: средневековый Запад был бедным, технически плохо вооруженным миром. Техника всего периода Средневековья была отсталая: преобладали примитивные инструменты, энергетическое обеспечение было скудным. Собственное изобретательство развивалось слабо либо вовсе отсутствовало. Прогресс был, скорее, количественный, так как постепенно распространялись орудия труда, технические приспособления, известные с античных времен.

Основным универсальным материалом было дерево. Оно применялось как топливо, как сырье для светского и церковного строительства, на всевозможных производствах (мебель, посуда и др.). В Раннее Средневековье лес при расчистке участков под

пашню преимущественно сжигался, позднее его почти полностью использовали в качестве сырья. Появились даже специальные лесоразработки. Особенно ценились высокие и прочные стволы, служившие опорами при строительстве.

«Соперником» дерева считался камень, но в раннее Средневековье он являлся роскошью и был доступен лишь власти имущим: жилища сеньоров и церкви сооружались именно из этого материала. С XI в. в строительстве начался мощный подъем, и на смену деревянному зодчеству пришло каменное. Рауль Глабер пишет: «Мир как будто стряхивал с себя ветошь и повсюду облачался в новое белое платье церковей». Камень становился более доступным, из него возводились дома богачей, но все-таки большая часть построек оставалась деревянной. Даже крупные церковные сооружения зачастую имели деревянные элементы — стропила, колонны и т.п. Архитекторы, равно как и строительные рабочие, назывались плотниками и каменщиками (т.е. рабочими по дереву и камню).

Самым редким и дорогим материалом было железо. В основном оно шло на военные нужды, и лишь в незначительном количестве использовалось в мирных целях. Железо было настолько ценно, что описи перечисляли железные орудия труда поименно. За обращением с этими дефицитными инструментами строго следили. Например, нормандские герцоги в X в. установили суровые наказания за кражу плугов с железными лемехами, а в монастырях внимательно проверяли сохранность этих орудий. Простые орудия труда делались из дерева и лишь иногда оковывались железом. Св. Бенедикт в своем «Уставе» посвятил целую главу железным инструментам. Этот стратегический материал символизировал воинственность того времени. Закованное в броню, «ощетинившееся» железом войско (или отдельный рыцарь) являло собой неодолимую мощь и силу, перед которой ничто не могло устоять. «Железный император» Карл, приведя свое войско под стены Павии, «наполнил железом поля и равнины», и народ стенал: «Горе нам, железо!» В области металлообработки быстрее всего прогрессировало производство доспехов и оружия — как для внутреннего пользования, так и для экспорта на исламский Восток.

Основной отраслью средневековой экономики оставалось сельское хозяйство. Слабое техническое оснащение делало его

малоэффективным. Тяжелые глинистые почвы требовали тщательной обработки, что практически было невозможно. Очень медленно античное орало, более приспособленное к средиземноморским почвам, уступало дорогу тяжелому железному плугу. Это было уже весьма серьезное усовершенствование. В плуг с асимметричным сошником, отвалом и подвижным передком, снабженный колесами, запрягали несколько пар быков (лошадей). И тем не менее вспашку приходилось повторять трех- и четырехкратно. А дальше все делали вручную: землю разрыхляли руками, сорняки удаляли вилами и т.д.

Плохо обработанная земля требовала удобрений. В то время были только естественные удобрения. Применяли торф, мергель (глинистый известняк), а также жнивье. Злаки срезали серпом у самого колоса, солома шла на корм скоту, а ее остатки запахивали. Органические удобрения (навоз, помет) бережно собирали, владельцев домашних животных облагали особыми поборами в пользу сеньора типа «горшка навоза». Результатом такой убогой агрикультуры становилось быстрое истощение почвы. Земля нуждалась в частом отдыхе, поэтому широко распространилась практика пара в двух- и трехпольном севообороте. Тем не менее урожайность оставалась невысокой, колеблясь в зависимости от культуры, региона и погодных условий.

Несмотря на бедность и примитивность сельского хозяйства, медленная эволюция приносила свои плоды, неспешно накапливая количественные и качественные изменения, подготавливая прогрессивные сдвиги. Так, появились специализированные отрасли земледелия: садоводство, огородничество, начали выращивать технические культуры. Развивалась переработка сельхозпродуктов: маслоделие, сыроварение, виноделие; расширялось разведение домашних животных: лошадей, овец, птицы.

Вне конкуренции по своей значимости стояли два самых крупных и впечатляющих изобретения. Первое — новая упряжь. Хомут и усовершенствованная сбруя дали возможность перенести нагрузку с шеи животного на плечи, и лошадь стала использоваться в сельском хозяйстве и на транспорте как важнейшая тяговая сила. Подковы хорошо защищали копыта лошади, придавая ей устойчивость, а запряжка цугом позволяла перевозить тяжелые грузы. Рабочая лошадь Средневековья была низкорослой и слабосильной по сравнению с тяжелым боевым конем.

Второе средневековое изобретение, собственно говоря, таковым не являлось. Речь идет о водяной мельнице. Она была известна еще в римском мире (II и I вв. до н.э.), но широко применяться начала именно в Средние века. Этот механизм, помимо обмолота зерна, использовался в различных ремеслах: при валянии сукна, обогащении руды, обработке кожи и т.п., а также для осушения болот. Позднее к ней добавилась ветряная мельница, получившая распространение в XII в. На севере она имела четыре длинных крыла (в Нормандии, Англии), на средиземноморском юге — много треугольных полотнищ, натягивавшихся с помощью тросов.

Что касается других механизмов, то достижения здесь были более скромные. Многие средневековые механизмы были известны уже в эллинистическую эпоху: винт, колесо и др. Они постепенно входили в обиход и совершенствовались, как, в частности, самопрялка, приводимая в действие сначала рукой (конец XIII в), а затем ножной педалью.

Заметные сдвиги произошли к концу Средневековья. Особенно прогрессировала обработка металла: осваивались сварка, термическая обработка, строгание, сверление и т.п. Росла потребность в металлических изделиях в городе и деревне. Быстро развивались горно-металлургические промыслы, однако в целом добыча полезных ископаемых была недостаточной, в некоторых из них ощущался острый дефицит. Так, растущие погрешности в деньгах и малая производительность золотых и серебряных рудников привели в конце Средних веков к монетному голоду, который ликвидировало золото, хлынувшее из Америки в XVI в.

Подлинную революцию в вооружении, тактике и стратегии ведения войны, в отраслях, работающих на нужды военного производства, произвело изобретение пороха и огнестрельного оружия. Известный испанским арабам уже в конце VII в. порох на протяжении столетий применялся для подрыва укреплений. С XIV в. постепенно распространялось, завоевывая признание, личное огнестрельное оружие. Использовались первые примитивные пушки, более грохочущие, чем разрушающие. Но за ними было будущее — началось развитие артиллерии, потребовавшей создания новой металлургической базы.

Среди различных областей хозяйства особенно выделялось строительство. Средневековые зодчие возродили античное

искусство возведения величественных сооружений, создали его новые формы. Своей вершины средневековая архитектура достигла в готике. Она становится одновременно и наукой, так как создание готических соборов требовало сложных расчетов. «Все выше, все грандиознее, все искусней» — таков был своеобразный девиз средневековых «магистров каменных строений», их религиозного служения, прославляющего божественность мироздания. В строительстве сконцентрировались многие достижения передовых технологий того времени: обожженный кирпич, известковая штукатурка, керамическая плитка, черепица и т.д. Однако большинство средневековых сооружений отличалось низким качеством и нуждалось в постоянном ремонте и обновлении.

Одной из главных характеристик средневековой техники являлось крайне малое количество энергетических источников. Основным из них служила не сила природных стихий — воды и ветра, а мускулы человека и животных. Мускульная сила являлась основой средневекового транспорта, переноска грузов была «привилегией» быков и ослов, а также лежала в прямом смысле слова на плечах людей. Сеньоры налагали на зависимое население барщинные повинности в виде транспортировки грузов. При строительстве церквей возить необходимые стройматериалы считалось делом благочестивым. В 1145 г. в Нормандии, как свидетельствуют хроники, происходило всеобщее помешательство на этом богоугодном занятии: «Короли, принцы, люди, могущественные в мире, отягощенные почестями и богатством, мужчины и женщины знатного происхождения склоняли свои надменные выи и впрягались цугом, на манер животных в телеги». В XIII в. подобные мероприятия лично возглавлял Людовик Святой.

Тягловый скот был дорог и малоэффективен, телег мало, и они очень примитивны. Дороги находились в удручающем состоянии. Большинство из них являлось не дорогами, а тропами, пользоваться которыми можно было лишь в сухую летнюю погоду. Они были чрезвычайно узки: только на лучших из них, «королевских» («дорогах Брунгильды»), могли разъехаться две встречные повозки. Большинство прекрасных римских дорог в романизированных областях было разрушено, как и римские мосты.

Препятствием для развития коммуникаций являлась феодальная раздробленность. Сеньоры диктовали путникам маршрут,

взимали таможенные пошлины за проезд и провоз товаров. Огромное количество таможен дробило путь на отдельные участки, делая невозможным быстрое передвижение. Так, на некоторых участках Рейна таможни размещались через каждые 10 км, Эльбы — 14, Дуная — 15 км. По феодальному праву все, что оказывалось на земле в случае поломки телеги или падения лошади, оставалось у господина данной земля: «что с воза упало, то пропало». Кроме того, в лесах и на реках промышляли разбойники, в роли которых зачастую выступали сами сеньоры, не брезговавшие грабить торговые караваны. Сооружение мощных дорог, строительство мостов началось только в развитое (высокое) Средневековье. Усовершенствовались повозки, вместо сплошных дисков стали использовать колеса со спицами. В XIV в. появились карета и современная телега.

Речной и морской транспорт в Средние века был недостаточно развит. Лидерами морской навигации ранее всего стали скандинавы. Их гребные маневренные и устойчивые ладьи оснащались парусами. Только они, да еще баски, осмеливались выходить в открытое море и совершать походы в Северную Америку и Гренландию (дальняя навигация). Прочие европейцы плавали преимущественно вдоль берегов (каботажное плавание), причем, как правило, только в летнее время. В классическое Средневековье европейцы начали строить более крупные суда. На севере это — ганзейская кокка, на юге — венецианский галеас (торговая галера). В XIV в. Венеция стала первой морской державой и направила в Англию, Фландрию, Византию и другие страны торговые конвои.

В конце XIII в. появился компас, начали составляться морские карты — *лоции* и карты береговых линий — *портуланы*. Стало возможным плавание в зимнее время. В XIV в. были заложены технические основы для великих географических открытий: совершенствовалась система парусов, руля, якоря, появилась каравелла — многомачтовое судно для дальних путешествий.

К XV в. Европа обладала развитым техническим арсеналом: различными механизмами, огнестрельным оружием. Сооружались судоходные каналы и первые горные тоннели. В XIV в. появилась наука, основанная на опыте и эксперименте. Европа готовилась совершить прыжок в новое, во многом непривычное и незнакомое будущее, — эпоху Возрождения.

Глава 9

ГОРОД И ЖИЛИЩЕ

Город

Город являлся феноменом средневекового мира. Он был включен в систему феодальных связей и одновременно противостоял им. Он создавал особый мир, обнесенный крепостными стенами, отгороженный от «чужой» ему территории. Система городских укреплений была аналогична замковой: ров, вал, стена с каменными галереями и амбразурами. Средневековый город отказывался от прямоугольной планировки. План его был запутан, улицы и переулки кривы и непредсказуемы. Визуальный хаос, однако, имел свой культурный «язык», символику организационных форм. Городские укрепления не только отвечали утилитарным потребностям безопасности, но и символизировали городские свободы, право и порядок, царящие на этой территории. Центром города был собор, утверждавший идею теоцентризма, модель «небесного» града со строгой иерархией своих пространственных уровней. *Ратуша* — второй полюс власти, выражавший идею господства зарождающегося бюргерства. Как правило, рядом с ней располагалась рыночная площадь, дома богатых горожан, общественные здания: цеховые, гильдейские дома, склады, торговые ряды.

Образ средневекового города — это «высокие стены» и «грозные башни», контрапункт вертикальной структуры, возвышавшейся над плоскостью. Концепция готической вертикали как ценностного, содержательного принципа средневековой культуры наглядно проявилась в организации городской среды. Помимо оборонительных башен и стен к вертикальному силовому комплексу можно отнести собор, городскую башню *беффруа*, объединенную с ратушей в единую систему. Здесь висел набатный колокол, хранились хартии и казна.

Стянутый поясом каменных стен, город имел мало места, дома тянулись вверх, почти соприкасаясь вторыми этажами на тесных улочках: обычно улицы не превышали 8 м в ширину, а самые узкие были всего 1 м. Дома не нумеровались, но различались по

внешнему виду и отдельным приметам: барельефу, скульптуре, оригинальной детали фасада. Большой проблемой являлись водоснабжение и канализация, поддержание чистоты. В старых римских городах для этого могли использовать античные сооружения. Обычно же мусор и нечистоты выливались прямо на улицу, хотя подобные действия повсеместно запрещались. В XIV в. появились водосточные каналы.

Жилище

Средневековое жилище являлось, в первую очередь, оборонительным сооружением, крепостью. Мир, окружавший человека, был полон угроз, поэтому задача дома — предоставить ему защиту, реальную или мнимую, укрыть и спрятать. В отличие от античного, открытого вовне, впускающего природу в свои стены и имеющего четкую планировку, средневековый дом был закрыт и темен, отгорожен от окружающей среды, хаотичен. Он окружался глухой стеной, валом, забором. Публичность жизни была несвойственна этому обществу. Отгороженность от внешнего мира, от чужих глаз создавала ощущение безопасности, на самом деле весьма зыбкой. То был своеобразный «эффект страуса» — стремление спрятаться за закрытыми окнами и дверями: «быть увиденным означало потерять свободу». Реальную защиту давали только феодальные укрепления — замки, а также крепостные стены городов. Но даже скромные крестьянские поселения старались укрепить: деревню обносили общей стеной или валом, а церковь становилась своеобразной крепостью.

Материал, из которого строили жилище, зависел от местных условий и был разнообразен. Но одна закономерность прослеживалась в самых разных частях континента. Строительный материал определял богатство владельца, его социальный статус. Камень был привилегией власть имущих. Повсюду в средневековой Европе стояли замки как символ могущества знатных родов. Подражая сеньорам, из камня (или кирпича) строили свои дома городские патриции. Крестьянские дома были из дерева или глины; если камень и употреблялся, то только на фундамент. Жилище могло быть и целиком из дерева — деревянные срубы были особенно распространены на востоке Европы — в России, Польше и т.д.

Для западноевропейского жилища был характерен так называемый *фахверк* — особая строительная конструкция: деревянный каркас стен заполнялся тем или иным строительным материалом (камнем, щебнем, кирпичом), который заливался цементным раствором. Он как бы составлял определенный орнамент из горизонтальных, вертикальных и диагональных балок. Как правило, фахверк начинался со второго этажа, а первый этаж возводился из камня. Такая конструкция архитектуры средневекового города намного пережила само Средневековье. Переместив в процессе эволюции упор с конструктивного плана на декоративный, фахверк станет в дальнейшем своеобразной «визитной карточкой» западноевропейского города.

На одном полюсе общества находилось жилище крестьянина. Это могла быть как ветхая лачуга, так и крепкий дом. Жилище, как правило, состояло из одного помещения, где располагался очаг, на котором готовилась пища и который обогревал семью. Дом строился или ремонтировался только с разрешения сеньора или крестьянской общины, которые контролировали количество необходимого материала — глины, камня или бревен. Накрывался дом, как правило, соломой, дерном или тростником.

На другом полюсе общества стоял феодальный замок, олицетворявший власть средневекового сеньора. Замки возводили первоначально из дерева, а позднее из камня, зачастую используя римское «наследие» — дороги. Сердцевиной замка был *донжон* — двухэтажная круглая башня, сооруженная на возвышении. Донжон служил жилищем сеньору и был последним оплотом в случае осады. Он разделялся деревянными перекрытиями на этажи. Первый этаж в целях безопасности обычно был забит, второй являлся складом, а семья сеньора жила на третьем этаже. Вокруг донжона размещались средневековые фортификационные укрепления: ров, вал и палисад; последний будет впоследствии заменен мощной каменной стеной. Ров заполняли водой, сооружали подъемный мост, за которым возвышалась крепостная стена (двойная и даже тройная). Таково было типичное устройство замка в эпоху романской архитектуры. Строительные формы отличались простотой. Роскошью того времени считались мощь и неприступность.

В период расцвета готики (XII—XIV вв.) художественному облику стало уделяться большее внимание. В замковой ограде возводились различные дворцовые сооружения, и замки превращались в сложные комплексы, где наряду с донжоном находились дом сеньора, капелла, казарма для гарнизона, жилища ремесленников и слуг, хозяйственные постройки, в том числе «баналитетная» печь, кузница, конюшни и др. В феодальном жилище использовались обычные строительные и декоративные приемы того времени (романского либо готического стиля), заимствованные у церковной архитектуры. Для готики были характерны витраж, рельеф и скульптура, стрельчатая арка, *аркбутаны* и *контрфорсы*, специфические способы декорирования.

Жилище рядового бюргера было более скромных размеров. Оно имело два этажа: на первом была устроена мастерская или лавка, на втором располагалась семья. В доме было всего две комнаты: передняя и задняя.

С развитием городов дома разрастались: оставаясь узкими по фасаду, они росли в высоту и глубину, к ним пристраивались различные чуланы и каморки. В помещениях царил темнота, искусственное освещение было доступно далеко не всем. Знать пользовалась восковыми свечами, что являлось ее привилегией. Люди со скромным достатком зажигали сальные свечи или коптившие масляные лампы. Источником света также служил очаг.

Интерьер

Как отмечали специалисты, на систему средневековых интерьеров оказали воздействие три основных фактора: христианство, феодальная система и «кочевой» образ жизни правящих классов. Церковь выступала главным и самым богатым заказчиком произведений искусства и ремесел. Светский интерьер заимствовал у церковного многие достижения той поры, начиная с оконного стекла и заканчивая мебелью. Феодализм являлся синонимом междоусобицы, необходимо было обеспечить максимальную безопасность жилища, а это отодвигало на второй план убранство покоев. Создание более изысканных интерьеров станет возможным по мере затихания феодальных распрей, стабилизации обстановки. Кроме того, в мире, раздираемом феодальными

войнами, при отсутствии эффективной системы управления только личное присутствие сеньора могло гарантировать наведение порядка, и потому жизнь крупных феодалов становилась «бродячей». Начиная с Карла Великого, все его потомки и преемники проводили большую часть времени в разъездах: это были и военные походы, и потребности управления. Самые могущественные вельможи в сопровождении своих вассалов и слуг из года в год объезжали широко раскинувшиеся владения. В таких условиях нужны были особые предметы обстановки, которые можно было бы легко транспортировать. Мебель, все вещи, украшающие покои, возили с собой. В отсутствие владельца помещения средневековых замков имели пустой и неприглядный вид.

Вся замковая жизнь сосредотачивалась в парадном зале. Это было, как правило, самое большое помещение, используемое для различных целей: здесь собирали курию сеньора, вершили правосудие, принимали вассалов и послов, пировали и даже устраивали турниры. В зале обычно располагались на ночлег приближенные. Личная жизнь еще не выделилась в особую сферу, не отделилась от общественной, и большую часть времени сеньор проводил вместе со своими приближенными.

Помимо главного помещения существовали гардеробные, опочивальни, комнаты для гостей и слуг, подсобные и хозяйственные помещения. Собственную спальню (или вообще отдельную комнату) в то время могли иметь только особо важные персоны. Жизнь же всех остальных протекала на глазах друг у друга. Очень рано в замке (и в монастыре) выделилась кухня как специальное помещение с определенной функцией. Ее располагали отдельно от жилых покоев. Чтобы выделить небольшие комнаты, просторные помещения перегораживали коврами, получая так называемые *клоте*.

В залах и других помещениях сначала делали каменные своды, а затем — открытые деревянные конструкции с балками и стропилами или плоские потолки. Деревянные потолки украшали росписями, резьбой. Стены штукатурили, белили, расписывали красками. Темы выбирались как из библейских, так и из светских сюжетов: изображения военных сражений, охоты, турниров, сцены из придворной жизни, литературных циклов. В итальянских интерьерах встречались также стены, декорированные под ткани

(палаццо Даванцати). Сами помещения могли именоваться по тематике росписей: например, зал Тезея, покой Карла Великого (замок Шато де Сен-Поль). Преобладали желтый и красно-коричневый цвета, а одним из самых дорогих был зеленый. На европейском севере стены частично или полностью обшивали деревянными панелями, которые расписывали или покрывали резьбой и украшали всевозможными рыцарскими атрибутами: боевым оружием, охотничьими трофеями, щитами, гербами и знаменами.

Полы в средневековом замке или богатом доме настилали деревянными досками (наиболее распространенный вариант), каменными плитами либо керамической плиткой. В последнем случае они представляли собой самую яркую часть интерьера. Изразцы различались по размерам и рисунку: от гладкой однотонной глазури и несложных геометрических узоров до изображений растений, зверей, птиц, геральдических фигур и т.п. В бедных домах пол первого этажа всегда был земляным, и требовалось немало сил, чтобы утеплить его. Полы почти никогда не застилали коврами. Большой популярностью пользовались циновки из плетеной соломы, так называемые «египетские коврики». Интересна традиция покрывать полы жилых комнат и залов травой. Зимой это были солома и сено, которые служили для утепления, а летом — травы, камыш и цветы. Усыпанный цветами пол ассоциировался с праздничной обстановкой: «цветы везде рассыпаны, с травой душистой смешаны». Конечно, это покрытие нуждалось в регулярном обновлении, что происходило нечасто, и на полу среди пожухлой травы и раздавленных цветков скапливались грязь и отбросы.

Окна средневекового дома были, как правило, небольшие. К северу от Альп их затягивали пергаментом или промасленной тканью, а также запирали деревянными ставнями, чтобы защитить помещение от холода. В средиземноморских странах оконный проем оставался открытым. Стекло было большой редкостью, оно являлось привилегией храмов, однако в богатых светских интерьерах также встречались застекленные окна и витражи. Стекло того времени было мутное, круглое, с утолщением в середине, маленькое по размеру. Оно оправлялось в частый свинцовый переплет, что утяжеляло раму и делало створку

неподвижной. Такое окно являлось предметом роскоши. Во время отъезда владельца рама вынималась и хранилась до лучших времен. В более скромных жилищах стеклили верхнюю часть окна, а низ закрывался ставнями. Таким образом, одновременно обеспечивался доступ света и защита от злоумышленников.

Проблема обогрева жилища была одной из самых сложных. Вся Европа делилась на две зоны: Запад грелся у камина, Восток — у печи. Печь была распространена в России, Германии, Польше, Венгрии. Она могла быть побелена, расписана, обложена фаянсовой плиткой. Перед ней (или на ней) делалась лежанка, на которой можно было сидеть и даже спать. Камин первоначально представлял собой круглый очаг с открытым пламенем и располагался в центре помещения во избежание пожара. Он служил для приготовления еды, поэтому находился на кухне. Другие комнаты обогревали жаровнями, что было малоэффективно. С XII в. в Западной Европе распространились пристенные камины, имевшие вытяжной колпак. Они стали центром интерьера в замках и богатых домах, так как их обильно украшали фресками, резьбой и лепниной. Эти великолепные сооружения, однако, продолжали оставаться на протяжении всего Средневековья технически примитивными: сидя рядом, человек рисковал «зажариться» с одной стороны, в то время как другая сторона замерзала. Поэтому камины стремились делать как можно больше и количеству, монументальней, возводя иногда в одном зале двойные и тройные камины. В них пылали целые стволы, но они не в состоянии были обогреть огромные помещения. В небольших покоях перед камином размещали скамьи, чтобы находиться в непосредственной близости от огня. Вся семья сплачивалась вокруг очага — источника тепла и света.

Мебель

Общий упадок ремесла, натурализация хозяйства сказались и на мебельном производстве. Утратились технологии обработки древесины и многие важные инструменты античного мира. плотники тесали мебель так же, как и стены домов. Рубанок, исчезнувший в Европе, появился только в XIII в. Рамочно-филеночная

конструкция (вязка) не применялась, доски грубо соединялись встык и скреплялись железными полосами на гвоздях.

В романском стиле мебельные формы были громоздкие, массивные, прочные. Украшениями служили железные накладки, предпринимались первые попытки архитектурного членения, позднее — резьба по дереву. Все Средневековье некоторое время спустя деревянные поверхности раскрашивали, чтобы скрыть грубую обработку древесины (могли предварительно обтянуть тканью и заштукатурить). На протяжении многих столетий мебель оставалась роскошью. Ее лучшие образцы находились в замках в очень незначительном количестве, у состоятельных горожан. Бедняки обходились без нее, сидели на соломе и ели без стола.

Универсальным предметом обстановки был сундук. В нем хранили одежду, утварь, припасы. Дополнительно его использовали как скамью и лежанку, в нем перевозили скарб во время путешествий. Позднее сундук превратится в шкаф, пока же он, поставленный вертикально, являлся предметом обстановки ризниц, но не жилищ.

Специальная мебель для сидения была распространена мало. Отдельный стул, лучше сказать, кресло-трон, полагался главе знатной семьи или его жене. Он был прямоуголен, тяжеловесен, неудобен для сидения. Высота жесткой и прямой спинки отражала степень знатности хозяина. Кресло имело скамеечку для ног, чтобы поднять их с холодного пола. Приближенные и слуги сидели вдоль стен на лавках, скамьях, сундуках и табуретах. Средневековье позаимствовало у античности складной стул, однако была использована только форма, но позабыта суть: стул, как правило, не складывался. Зато стол обычно был складным: доски клали на козлы для трапезы и убирали после нее — отсюда пошло выражение «накрыть столы».

Важным предметом мебели являлась кровать. Первоначально это была просто рама на ножках, но начиная с XII в. она снабжалась *балдахином* — навесом со специальной драпировкой (вероятно, одна из его форм — шатровая — была заимствована на Востоке). Полог крепился к потолку, натягивался на каркас или драпировался над кроватью. Он позволял сохранять тепло в холодном помещении и создавал иллюзию защищенности и безопасности, в чем так остро нуждался средневековый человек.

Возрождение и развитие городов, происходящее с XI в., развитие ремесел сказывались в том числе и на мебельном производстве. Появилась механическая пила, позволяющая распиливать стволы на тонкие и ровные доски, использование которых облагораживало мебель. Возродилась рамочно-филеночная вязка. Мастера овладели техникой резьбы. Все эти изменения подготовили приход мебели нового качества и нового стиля – готического. Ее формы продолжали оставаться прямоугольными, но композиционно и структурно они были уже иными. Активно использовалось архитектурное членение: каркас делился на отдельные поля, заполненные резьбой, на мебели изображались всевозможные архитектурные детали типа стрельчатых арок, *щипцов*, *фаворы с краббами* и *крестоцветами* и т.п. Для орнаментики были характерны геометрически точные формы, *масверк*, а также лиственный и растительный орнамент, так называемые «*льняные складки*».

Особняком стояли Италия и Испания. В Италии сохранились античные традиции обработки дерева, а также необходимые для этого инструменты. Многое заимствовалось с Востока. Типично итальянский метод, свидетельствовавший о высокой технике, — чертозианская мозаика: вставки из перламутра, древесины, кости и др. Испанские же мастера испытали большое влияние арабско-мавританских традиций, поэтому здесь возникла чрезвычайно богатая плоскостная отделка поверхности.

Основным видом мебели периода готики по-прежнему оставался сундук (или сундук-скамья), который ставился у камина рядом с прямоугольным столом. От сундука пошли различные формы шкафов, которые зачастую превращались в многоэтажные сооружения. Столы становились стационарными предметами, а их формы — более стабильными; торговцы, банкиры имели письменные столы. Для сидения по-прежнему использовали лавки, табуреты, относительно редко кресла. Иногда сиденья — кресла с ящиками — ставили у кровати, и они выполняли функцию домашнего клозета. Кровати, как и ранее, делались с пологом или же встраивались в стену. Готика предложила новые типы шкафов для посуды: *дрессуары* и *креденцы*. *Дрессуар* — вид поставца, открытая подставка с большим или меньшим количеством полочек, служившая демонстрационно-представительским целям и

потому занимавшая почетное место в парадных покоях. На него ставили дорогую посуду: позолоченную, серебряную, стеклянную. *Креденца* выглядела как сундук с дверцами, поставленный на ножки. И тот, и другой «шкафы» могли снабжаться небольшими навесами, украшенными в духе того времени зубцами и арками. В Средние века пользовались также плетеной мебелью и утварью, например, колыбелями, корзинами и др.

Предметом роскоши был ковер. Драпированием помещений достигали сразу нескольких целей: украшали покои, утепляли их, делили большое помещение на отдельные комнаты. Ковры могли составлять целые гарнитуры, которые сеньоры возили за собой из замка в замок. Слишком большие ковры подбিরали и подворачивали. Свообразным символом средневекового престижа, однако, было, чтобы ткань, спускаясь с сиденья, лежала на полу. Ковры развешивали по стенам, ими покрывались ложа и сиденья, столы и даже шкафы. Было в богатом доме и постельное белье, что также являлось роскошью. Бедняки спали на соломенном тюфяке или же просто на охапке соломы.

Глава 10

ПИТАНИЕ. КОСТЮМ

Питание

Пища человека всегда свидетельствовала о его социальном статусе, о месте, которое он занимает на иерархической лестнице. Существовала простая пища для большинства и роскошная для привилегированных. Простой народ довольствовался кашами и похлебками из зерна и овощей. Зерно и хлеб — основа питания, «троица — зерно, мука, хлеб — заполняет историю Европы», — пишет Ф.Бродель. Для бедняков хлеб пекли из проса, ячменя, ржи (в муке было много отрубей и других низкосортных добавок) делали это редко, один-два раза в месяц, и такой хлеб был предназначен для длительного хранения. В некоторых местах, например, в Тироле, его делали дважды или трижды в год, поэтому он почти всегда был черствым, часто заплесневелым, и люди грызли его, рубили топором или ножом, размачивали в воде. Но был и так называемый «хлеб каноников», предназначенный для богатых, — белый, из просеянной пшеничной муки.

Вообще белый хлеб был продуктом редким и дорогим. Религия придавала ему сакральный смысл в память о чудесах Иисуса Христа. Однако сквозь мистический покров просвечивала самая низменная проза: хлеб означал жизнь. С XII в. в среде разных социальных слоев утвердился обычай есть с хлебом. Его потребляли в больших количествах: монахи, знать, богатые горожане съедали в день более килограмма хлеба.

Европа всегда была плотоядной, по крайней мере, это относилось к ее привилегированному меньшинству. Крестьяне обычно ели каши, но на стол господину поставляли (а позднее выносили на рынок) мясо, молоко, птицу, яйца. Знать к тому же потребляла много дичи, так как ее традиционным занятием была охота. Крестьяне, ремесленники, другой бедный люд ели мясо редко, как правило, по праздникам. Самой доступной была для них свинина. Обильные трапезы в крестьянских семьях бывали в декабре, когда к Рождеству закалывали поросенка.

Пища простых людей была недостаточно питательной, в ней не хватало витаминов, так как потреблялось мало свежих овощей и фруктов. Из овощных культур, распространенны в то время репа, горох, бобы, лук, чеснок, к которым постепенно добавились свекла, капуста, петрушка и некоторые другие. Лук считался также и лекарством, рыцари приписывали ему магическое свойство предохранять воинов от ран и носили его как талисман — «лук победный».

На протяжении Средних веков развивалось садоводство, постепенно окультуривались дикие плодовые и ягодные растения (например, земляника). За ними ухаживали особенно тщательно, поскольку эти культуры приносили большую прибыль.

Европа была богата рыбой, так как ее берега омывались множеством морей, а весь континент был изрезан реками. Рыба была более доступна простому населению, чем мясо, но ею не брезговала и знать, потому что рыбу разрешалось есть во время поста (количество постных дней составляло едва ли не треть года.)

Средневековая Европа почти не знала сахара. Она познакомилась с ним через испанских арабов, а также во время крестовых походов. Вплоть до XVI в. сахар оставался большой редкостью. В некоторой степени его заменял мед, а также виноградное сусло, утоляя потребность в сладком.

Среди напитков выделялось вино как исконно европейский напиток Средиземноморья, и пиво. Пиво было известно как в Европе, так и в других регионах мира с незапамятных времен. Во времена Карла Великого его пили и бедняки, и знать. Рецепты прошлого были чрезвычайно разнообразны: пиво варили из пшеницы, ячменя, ржи; могли добавлять мед, мак, грибы, лавровый лист и т.д. Использование в пивоварении хмеля — открытие Средневековья. Это нововведение вошло в обиход в монастырях (первые упоминания об этом относятся к IX в.). Пиво и пивоварение широко распространились в североевропейских странах — в Англии, Нидерландах, Германии, Чехии, Польше.

Области производства вина находились южнее — это в основном были средиземноморские страны, хотя виноградники имелись в Центральной Европе и Англии. После сбора урожая вино «путешествовало» в бочках, направляясь в северные регионы. Его пили молодым, так как не умели долго хранить. Оно было доступно

(за исключением средиземноморского региона) только состоятельным людям: знати, богатым горожанам. Вино использовалось в церковных обрядах и поэтому являлось неизменным атрибутом монастырей. В торжественных и траурных обстоятельствах сеньоры делали «суп», опуская кусочки хлеба в вино, а затем раздавали вассалам. Это блюдо символизировало хлеб и вино Тайной вечери, а сам ритуал воспринимался как некое высокое «посвящение». Методы и механизм получения алкоголя уже были известны средневековой Европе: перегонка и перегонный куб. По одной из версий, алкоголь был открыт около 1100 г. в Салерно (Южная Италия), где существовала знаменитая медицинская школа. Однако алкоголь использовался не как пищевой продукт, а как лекарство против разнообразных болезней, своеобразная *аква вита*. Дополнением к пиву и вину в северных и восточных частях Европы являлись меды, квасы, сидр и другие напитки.

Средневековой пище не хватало остроты. Пряности и особенно перец, будучи главными продуктами левантийской торговли, стоили чрезвычайно дорого, пословица того времени гласит: «Дорого, как перец». Средиземноморье, практически закрытое для христианского мира, вплоть до крестовых походов, после них вновь, как в античную эпоху, стало поставлять в Европу корицу, имбирь, мускатный орех, гвоздику, перец. Наступило настоящее «пряное безумие», мания на приправы охватила все страны. Пряности в определенной мере служили консервантами и одновременно могли маскировать плохое качество мясной пищи, не приспособленной к длительному хранению и потому не всегда свежей. Они становились символом богатства и престижа, гостям их предлагали после еды, подобно кофе в современном застолье. Для бедняков эта заморская роскошь была недоступна и заменялась тем, что росло на огороде: анисом, кориандром, тимьяном и чрезвычайно популярным чесноком, который служил «крестьянским обезболивающим».

Недостаточную питательность и скудность ассортимента еды компенсировали ее количеством. Если предоставлялась возможность, то ели до отвала, до ощущения тяжести в животе. Легко усваиваемых продуктов было мало, большинство же могло вызвать несварение желудка. Вследствие подобного рациона типичной становилась полная фигура и вздутый живот. Это не относилось

к знати, которая находилась в хорошей физической форме, постоянно занимаясь военной подготовкой и употребляя в пищу много дичи.

До XV в. Европа не знала кулинарного искусства. После падения Римской империи богатые традиции кулинарии были утрачены. Роскошь застолья выражалась скорее в изобилии, чем в изысканности. Мясо, жаренное на вертеле, подавалось в огромных количествах, иногда вместе с рыбой и овощами. Ели обычно два раза в день. Опасаясь яда, пищу перед едой проверяли на слугах либо при помощи специальных амулетов. Пиршество в богатом доме начиналось звуком рога, которым «звали воду». По этому сигналу слуги вносили кувшины и тазы для мытья рук. В соответствии с поговоркой «сеньор не садится за стол один» обед накрывался на много персон, так как за столом у господина кормилась семья, родственники и вассалы, жившие в его резиденции или посещавшие ее. Столы были вытянутой прямоугольной формы. Один конец стола находился на возвышении – он предназначался для хозяев и наиболее знатных гостей. В походной обстановке в качестве столов могли использоваться даже длинные рыцарские щиты (шпалеры из Байо). Для большого числа обедающих столы иногда составлялись в виде буквы П, причем гости рассаживались только с наружной стороны. На больших пирах гостям могли прислуживать всадники, привозившие новые блюда. В перерывах между блюдами участников развлекали интермедиями — представлениями на сюжеты басен. На подобных пиршествах могли присутствовать зрители, размещавшиеся сверху на галереях.

Все, относившееся к убранству стола, являлось в средневековом мире роскошью, недоступной простым людям, — посуда, скатерть, салфетки. Столы накрывали длинными, свисавшими до пола скатертями (ими же зачастую вытирали руки). Посуда в богатых домах была серебряная, ювелирной работы, а в семьях победнее — оловянная, глиняная или деревянная. Время художественной керамики и стекла ушло вместе с античностью, и теперь они встречались чрезвычайно редко. Из посуды наиболее распространены были блюда, котлы, кубки, ножи. Ножи обычно носили с собой, и каждый пользовался собственным. Бокал (кубок, кружка) мог быть тоже персональным, хотя по правилам старинной

вежливости следовало, допив свой бокал, передать его соседу, т.е. они ходили по кругу. Тарелки на протяжении многих веков заменялись деревянной дощечкой или оловянным кружком, а чаще всего *траншуаро* — специальным куском черствого хлеба, на который клали мясо из общего блюда. Траншуары и другие объедки собирали и отдавали бедным, нищим или слугам. На обедах вельмож для бедняков собирали милостыню в специальные сосуды-корабли. Жидкую пищу подавали на двоих (одна миска и одна ложка), и этот обычай просуществовал до XVII в. Употребление ложек также не сделалось общепринятым. Могли черпать похлебку ломтем хлеба. Вилка, большая и двузубая, являлась исключительно кухонной утварью. Главным «столовым прибором» были руки.

Костюм

Костюм средневековой Европы складывался под влиянием античного наследия и традиций варварского мира. Из греко-римского быта в новую эпоху перешли некоторые виды одежды, принцип одновременного их ношения и др., т.е. то, что получило одобрение христианской церкви. Новый христианский дух воплощала Византия, поэтому существовали аналогии в западноевропейском и византийском костюме. Особенно это касалось знати с ее пристрастием к пурпуру, торжественной церемониальности длинных одежд и т.п. Главное требование церкви — закрытость одежды: тело объявлялось греховным, и его следовало прятать. Одежда была свободной, тяжелой, скрывала формы человеческой фигуры. Женщины покрывают голову в знак своего подчиненного положения.

В отличие от античности средневековый костюм не драпированный, а был кроеный. Первоначально в его основе лежал примитивный крой, принесенный варварами с Востока (существовал вплоть до XI в.). Основные типы одежды — накладная (одевалась через голову) и распашная (имела спереди разрез). Одежда и обувь в основном шились в крестьянском хозяйстве. Ткани того времени — шерсть и лен. Они тоже были домашнего производства и поставлялись феодалу в виде ренты или же изготовлялись

его челядью в замке. Редкий и дорогой шелк привозили в Европу только из Византии. Общее снижение технического уровня затронуло в числе прочих отраслей прядение и ткачество, поэтому домотканая одежда была довольно грубой и примитивной, а ее качество — низким.

Основные виды одежды варваров — штаны и рубаха. В принципе они были одинаковы для мужчин и женщин, отличаясь лишь отдельными модификациями. Именно эти виды одежды сыграли решающую роль в эволюции европейского платья. Мужской костюм в VI—IX вв. состоял из рубашки — *камизы (шенса)*, штанов — *бре* и плаща. Поверх полотняной, доходящей до колен рубахи могли надевать другую рубаху и/или плащ. Бре напоминали примитивные шаровары и имели различную длину: короткие, являвшиеся по сути набедренной повязкой, до колен или до щиколоток. Женский костюм был аналогичен мужскому. Женщина также носила закрытые одежды (рубашки, далматики), на голове покрывало. На ногах были обмотки (похожие на русские онучи) и мягкая кожаная обувь.

Период X—XI вв. характеризовал развитие первого общеевропейского стиля — романского. Его спокойные монументальные формы находили отражение не только в искусстве архитектуры, но и в костюме. Поверх шенса теперь носят *блио* — длинную или полудлинную верхнюю одежду (крестьяне, как правило, довольствовались одной рубашкой и бре.) В костюме рыцаря главную роль играли доспехи, поэтому их форма определяла и вид одежды. Покрой *блио*, например, соответствовал кольчуге. Под ней носилась толстая стеганая куртка — *гамбизон*. Появляются металлические перчатки (кольчужные рукавицы), идея которых была заимствована из крестьянского быта. Железная (кожаная) перчатка являлась символом рыцарского положения: ее вручали при оммаже, при передаче фьефа. Позднее возник особый ритуал, связанный с этим атрибутом: бросить перчатку означало вызвать на поединок. Для пожатия руки перчатку необходимо было снять; в церкви тоже запрещено было находиться в перчатках и т.д. Они использовались мужчинами, а также дамами, например, на соколиной охоте.

В женском костюме возникла тенденция к подчеркиванию женственности, линий фигуры с помощью облегающего шенса и блио, которая со временем все более прогрессировала.

Обычной отделкой одежды того времени служила вышивка. Знать имела украшения: дорогие пояса, застежки, пряжки из драгоценных и полудрагоценных камней, золота и эмали, а также ожерелья и браслеты.

К верхней одежде относился плащ с капюшоном. Холодной зимой носили полубубки (тулупы) из овчины.

Готический стиль в одежде

В зрелое Средневековье происходили поистине революционные изменения: бурно росли города, развивались ремесла. Европа получила более качественные ткани. С XII в. появился новый материал — хлопок, а на юге начали разводить шелковичных червей и изготавливать шелк. Простые домотканые одежды остались только в обиходе крестьян. Крестовые походы знакомили феодалов с роскошью Востока и вносили заметные коррективы в одежду, обогатив костюм рядом заимствованных форм. Разрабатывалась система кроя (в XIII и особенно в XIV вв.), заложившая основы последующего развития европейского костюма. Выделялся особый костюм знати и духовенства; длинные одежды символизировали статус господ, их праздность и неприкосновенность к труду.

Со второй половины XII в. в Европе сформировался новый художественный стиль — готика. Он нашел отражение и в одежде того времени, более всего в женской. Это игра света, динамика подвижных многослойных одежд, особенно их плиссированных частей, перекликающихся с ритмами готического стиля, а также и новые пропорции платья, как бы вытягивающие фигуру вверх, создающие «готическую вертикаль». Менее динамично менялся мужской костюм, так как он формировался под влиянием доспехов, практически не менявшихся на протяжении нескольких столетий. Мужчины надевали длинные, свободные шенсы и блио, а также особые чулки-штаны (*шоссы*), которые прикреплялись тесемками к поясу бре. Появились башмаки с удлиненными носами

— *пигаши* (их появление связывали с именем графа Анжуйского, имевшего уродливую стопу).

Господствующий в рыцарской среде культ Прекрасной Дамы, позволив четко дифференцировать формы мужского и женского платья, определил направление развития женской одежды. Красоту форм подчеркивали с помощью узкого жилета или боковых шнуровок. Блюо ниспадала до пят, расширяясь от бедер. Юбка плиссированная «играла» при движении. Рукава, узкие вверху, расширялись от локтя и заканчивались длинными плиссированными манжетами, свисающими едва ли не до земли. В моде были косы, перевитые лентами, голову покрывали легкой вуалью.

В XIII в. на смену блюо пришли новые по названию и покрою виды одежды: *котт* и *сюрко* (сюрко носят поверх котта). Пробразом белья стала нижняя рубашка, поверх которой надевали *дублет* — узкую куртку, а затем котт и сюрко. Последние шились с вырезом, лиф плотно облегал фигуру, платье расширялось книзу. Верхняя одежда, как и прежде, была представлена широкими плащами, меховыми накидками. Появилась специальная «гербовая одежда», отражающая принадлежность к определенному роду *ми порти* (моя партия); члены знатной семьи носили костюмы цвета родового герба или его изображение (слуги и вассалы — герб сеньора). Менялись головные уборы и прически: у девушек были распущенные волосы, а женщины укладывали косы в сетку. Знатные дамы, как и мужчины, могли украшать голову обручами с цветами (*шапо де флер*), повязками из парчовой ленты (*трессувер*). У женщин вошел в моду головной убор *барбетт*: белая ткань укутывала шею, уши, подбородок, часть груди (он сохранится на протяжении длительного времени, став позднее головным убором монахинь).

Новые требования моды заставляли мужчин гладко брить лицо, носить длинные волосы. Подражая воинственному рыцарству, они носили чепчики, похожие на подшлемники (*коль*). В XIII в. появились пуговицы. На смену вышивке пришли кружева, пользовавшиеся у женщин чрезвычайной популярностью.

Франко-бургундский стиль в одежде

В XIV в. изменились доспехи — на место кольчуги пришли латы, обусловившие появление новых видов одежды, создание сложного кроя. Новый эстетический идеал требовал от рыцаря ловкости, подвижности, что подчеркивалось костюмом. Место длинного платья заняло короткое, а силуэт имел четко очерченные графические формы. Длинное платье осталось только для определенных групп — ученых, судей, духовенства, магистратов и вообще почтенных пожилых людей — «людей в длинных одеждах». В моду вошел многослойный костюм. Поверх рубашки надевали узкий прилегающий жакет и/или *пурпуен* (*жак котарди*), прообразом которых явлась одежда, носимая под латами и повторявшая их формы. Шоссы соединялись вместе и снабжались откидным клапаном. Появился новый вид платья для феодальной элиты — мужской и женский *упелянд*. Его сильно расширенные книзу рукава отделялись мехом, фестонами и напоминали крылья птиц. Длинный упелянд из дорогой ткани был торжественным одеянием королей и высшей знати. Головные уборы того времени были чрезвычайно разнообразны и живописны. К уже известным добавился *шаперон* — род капюшона, который мог драпироваться различными способами, типа петушиного гребня и др.

Крой менял и фасоны женской одежды. Лиф обтягивал фигуру, а юбка выкраивалась отдельно в виде круга или полукруга — так называемый клеш. Создавалась праздничная одежда знатных женщин — королевское сюрко. Оно имело большие (ниже талии) проймы, позволяющие подчеркнуть тонкую талию («адские окна»).

Расцвет Бургундии начался с середины XIV в., когда, по меткому замечанию А.Фосийона, «бушевали бургундские драпировки». Наступил период бургундской (франко-бургундской) моды, олицетворявшей стиль поздней, или «пламенеющей», готики. Менялись пропорции костюма — ясно проступала «готическая вертикаль». Поверхность костюма собиралась складками (простегивается лучеобразными линиями), которые сужались к талии и опять расширялись к бедрам. Талия была несколько опущена и чрезвычайно тонка по контрасту с огромными плечами (широкие

в окате рукава снабжались специальным валиком). Края одежды были иссечены фестонами — это *экривиссы*, «раковые шейки», возникшие как подражание рыцарским латам. В чрезмерно стилизованном костюме («максимум затрат с минимумом удобств», как пишет Э.Панофски) фигура приобретала странные вытянутые очертания, казалась неустойчивой.

Костюму соответствовала обувь. Длина стопы дополнительно увеличивалась чрезвычайно длинным носком (у знати — 24 дюйма, у горожан — 12, у крестьян — 6 дюймов). В ней неудобно было ходить, но все приносилось в жертву сословному тщеславию: носок набивали волосом, вставляли китовый ус и поддерживали специальной цепочкой.

В женском костюме под влиянием бургундской моды появился S-образный изгиб фигуры, так называемая готическая кривая. Он получался не только за счет своеобразной осанки, но и при помощи специального корсета из деревянных планок. Талия поднималась высоко под грудь, а овальный вырез сменялся глубоким треугольным. Платья носили со шлейфом, который, в зависимости от знатности дамы, мог достигать нескольких метров. Новые каркасные головные уборы (*гении* или *эннен*, *эскофьон*) достигали различной высоты в зависимости от знатности женщины (до 70 см).

Крестьянская одежда была чрезвычайно проста и «вечна»: она мало подвергалась изменениям. Все та же блуза, бре (или шоссы), куртка. Одежда горожан была разнообразнее и богаче. Патриции подражали знати, а бюргеры — патрициям. Но в целом костюм был скромный и практичный; использовалось сукно, темные цвета, знаки профессиональной принадлежности. Женщины носили цельнокройные котт и сюрко, высокие головные уборы заменялись более практичным капюшоном из полотна с отворотом — *омюссом*, который позднее превратится в чепец. Платье горожанки хотя и было скромное, но имело эстетические элементы. Так, чепец, омюсс и рубашка всегда изготовлялись из белого полотна.

Одежда выражала статус ее владельца, власти в многочисленных указах жестко регламентировали то, что дозволялось носить каждому сословию или профессиональной группе. Так называемые законы о роскоши защищали господствующий класс от попыток копировать его костюм и тем самым уподобиться элите.

Средневековая одежда была необыкновенно ярка и красочна. Цвет также являлся привилегией знати. Очень популярными были контрастные решения (например, синее сюрко и белая котт). Модны были изысканные аксессуары (кошельки, пояса, шляпы), разнообразные ювелирные украшения, особенно с драгоценными камнями: кольца, браслеты, застежки, обручи, сетки для волос и т.д. Дамы увлекались косметикой (мужчины-щеголи также пудрили лицо и выщипывали брови).

Франко-бургундский стиль с манерно-вычурными декоративными формами заканчивал эпоху средневекового костюма, который существовал до второй половины XV в.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Виоле ле Дюк Э.Э. Жизнь и развлечения в средние века. СПб., 2003.
2. Винклер фон П. Оружие. М., 1992.
3. Гарро А. Людовик Святой и его королевство. СПб., 2002.
4. Гуревич А.Я. Культура и общество средневековой Европы глазами современников. М., 1998.
5. Дюби Ж. Европа в средние века. М., 1994.
6. Дюшер А. Французское общество времен Филиппа-Августа. СПб., 1999.
7. История Франции. М., 1972. Т. 1.
8. Кардини Ф. Истоки средневекового рыцарства. М., 1987.
9. Карсавин Л.П. Культура средних веков. К., 1995.
10. Карсавин Л.П. Монашество в средние века. М., 1992.
11. Киви М. Рыцарство. М., 2000.
12. Киреева Е.В. История костюма. М., 1978.
13. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.
14. Мишле Ж. Ведьма. Женщина. М., 1997.
15. Мулен Л. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы X—XV вв. М., 2002.
16. Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследование по истории морали. М., 1987.
17. Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М., 1999.
18. Руа Ж.Ж. История рыцарства. М., 1996.
19. Рыцарские ордена. М., 2004.
20. Сыромятникова И.С. История прически. М., 1983.
21. Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1888.
22. Ястребицкая А.Я. Западная Европа XI—XIII веков. М., 1978.

Учебное издание

Петров Евгений Васильевич

**ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, ПОВСЕДНЕВНАЯ
ЖИЗНЬ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ
В «РЫЦАРСКИЙ ПЕРИОД» (X – XIII ВВ.)**

Учебное пособие

Корректор *Е.Б.Кононова*

Художник обложки *Л.П.Павлова*

Компьютерная верстка *Д.З.Валеевой, С.В.Зайнитдиновой*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 24.03.2008

Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов

Гарнитура Times. Усл. печ. листов 6,5

Тираж 500 экз. Заказ 476

Отпечатано в Издательстве

Нижевартовского государственного гуманитарного университета

628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11

Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: ngripuc@wsmail.ru